

Бауди Маггир

СООБЩЕСТВО ЖИВЫХ ТЕНЕЙ

Книга четвертая. У самой
черты

Бауди Маггир

**Сообщество живых теней.
Книга четвертая. У самой черты**

«Издательские решения»

Маггир Б.

Сообщество живых теней. Книга четвертая. У самой черты /
Б. Маггир — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-518749-9

Продолжение. Книга четвертая. Рассказ о сложной и полной ежеминутного риска работе сотрудников спецслужб, которые избрали своей целью не только бескорыстное и честное служение интересам своих государств и народов, но и сохранение мира и стабильности во всем мире. А в общем о приключениях, жизни и любви сотрудника английской разведки...

ISBN 978-5-00-518749-9

© Маггир Б.
© Издательские решения

Содержание

СООБЩЕСТВО ЖИВЫХ ТЕНЕЙ	6
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Сообщество живых теней

Книга четвертая. У самой черты

Бауди Маггир

© Бауди Маггир, 2020

ISBN 978-5-0051-8749-9 (т. 4)

ISBN 978-5-0051-1853-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

СООБЩЕСТВО ЖИВЫХ ТЕНЕЙ

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

У САМОЙ ЧЕРТЫ

Закончилась еще одна тягучая неделя рутинной жизни полковника Джейсона Коллинза, которая ничем особенным не была отмечена, и наступило долгожданное лето.

Солнце восходило уже раньше, и своими яркими лучами обогревало истосковавшуюся по настоящему теплу землю. Оно заметно оживило природу, и придало ей дополнительные пестрые краски и нежные оттенки. Закрепилась зеленая листва на кронах деревьев.

Из свитых под крышами домов и на ветвях толстенных дубов птичьих гнезд, слышалось звонкое щебетанье желторотых птенцов. Все кругом благоухало нежными ароматами цветов и запахом свежескошенной травы на газонах. Вездесущие пчелы неутомимо носились от цветка к цветку, собирали божественный и бесценный нектар, и мирно жужжали над полями, во дворах частных домов и солидных красочных особняков.

Мэри и Роуз после успешного окончания учебного года, дождались, наконец, своих заветных каникул, и готовились к поездке на Корсику, чтобы встретиться вновь со своими близкими и любимыми людьми. Рикки также успешно окончил первый курс военной академии, и был направлен на практику, где ему предстояло провести два долгих месяца на первых боевых учениях. Джейсон получил временную передышку на службе. Он приезжал с работы пораньше, и успевал уделить своим дочерям больше внимания. Со дня на день он ждал от своего шефа заслуженного отпуска, чтобы отправиться вместе с ними в Аяччо, и исполнить наконец данное им обещание. Они садились вечером втроем за стол, включали компьютер, и подолгу разговаривали по скайпу с Изабель и Антуаном.

Винсент рос на глазах. Он стал уже выговаривать первые слова, и все время улыбался, пытаясь коснуться через монитор тянущихся к нему рук своего отца и сестер.

В один из таких теплых вечеров, Джейсону позвонил Грэг, и попросил его подъехать к нему домой для обсуждения какого – то очень важного дела. Он говорил возбужденным голосом, но по его тону можно было предположить, что у него в душе кроется какая – то скрытая радость. На вопрос Джейсона: – «что у тебя там произошло, Грэг?», тот лишь бросил загадочную фразу: «приедешь – узнаешь», после чего, тут же прервал разговор. Джейсон попрощался с Изабель и Антуаном, оставил Мэри и Роуз с ними на связи, и выехал к своему шефу, озадаченный его странным голосом.

На улице все еще было жарко, безветренно и светло, хотя в безоблачном небе уже можно было разглядеть несколько одиноких ярких звезд, предвещающих скорое наступление сумерек. Кругом стояла необыкновенная тишина.

Грэг встретил его у крыльца, крепко пожал ему руку, и не заходя в дом, проводил в беседку, где был накрыт небольшой столик.

– Это Лайза моя постаралась, – произнес он, предложив гостю кресло, и опустившись на свое место напротив, – как тебе эта сервировка?

На столике стояли литровая бутылка виски с четырьмя бокалами вокруг, две бутылки минеральной воды, большая тарелка с тонкими ломтями нарезанного мяса говядины с наколо-

тыми сверху маленькими деревянными шпажками, и несколько розеток с маслинами, лимоном и необычно большим количеством хлеба.

– По какому случаю такое застолье, и для кого эти два дополнительных бокала? – спросил Джейсон, вдохнув аромат жаренного мяса, – ты кого – то ждешь?

– Потерпи пару минут, сынок, и ты увидишь, кто у меня сегодня в гостях, – ответил генерал, расплывшись в радостной улыбке, – думаю, ты будешь приятно удивлен.

Он перевел взгляд на выходящую на садовый участок дверь своего дома, откуда неожиданно показалась фигура знакомого человека на костылях, которого поддерживал другой, не менее знакомый ему силуэт. Они осторожно спустились по узким ступенькам короткой лестницы, посмотрели в сторону беседки, и помахали офицерам руками. Джейсон сразу же вскочил с кресла, и кинулся к человеку на костылях.

– Алекс! О, Бог ты мой, какой сюрприз! – вскрикнул он, не веря своим глазам, и обняв своего друга, аккуратно приподнял его на руках. Алексей опустил голову на широкую грудь Джейсона, и обхватив его за плечи, крепко прижал к себе.

– Я же говорил, что приеду к тебе только на своих двоих, – сказал он, преодолевая все еще беспокоящую его боль в коленях – местах соприкосновения протезов и живой плоти, – пусть, даже и не настоящих, черт бы их побрал!

– Спасибо вам, господин генерал, что привезли сюда моего друга, – произнес Коллинз, обратившись к Белову, и крепко пожав его широкую жилистую руку.

– Ну, хватит, Джейсон! Отпусти же наконец нашего гостя. Дай ему хотя бы присесть, – попросил Грэг, усаживая Белова рядом с собой, – и хватит его тискать!

Он шутливо погрозил своему питомцу пальцем, затем слегка приподнялся, и придвинул к столу необычное кресло, которого специально приготовил для Алексея, обложив сиденье, спинку и подлокотники мягкими поролоновыми подушечками.

Несмотря на возражения своего друга, Джейсон помог ему разместиться в роскошном сиденье, и осторожно подтянул к нему свое кресло. Грэг разлил виски по бокалам, и, расставив их перед каждым из своих дорогих гостей, бодро поднялся со своего места.

– Друзья мои, я хочу выпить за добрый и спокойный мир без политики, без вечных интриг, и унижительного лицемерия во всем и на каждом шагу. Да поможет нам Господь в нашем благородном деле, которое позволит нам всем жить, не оглядываясь с подозрением по сторонам, – сказал он, подняв бокал, и чокнувшись со всеми, – Аминь!

Белов привстал, одобрительно кивнул в сторону Грэга, и весело подмигнул ему.

– Прекрасный тост, генерал! Слава Богу, хоть здесь посидим без политики, и фальшивых притворных вздохов. Спасибо вам, за теплый прием и домашний уют! За вас, дорогие мои друзья, соратники и коллеги! – сказал он, вытянув перед собой руку с бокалом, – и как говорят у нас в России, не дай бог последняя!

Алексей сжал в руках свой бокал, и хотел было также подняться со своего кресла, и уже прижал одну руку к подлокотнику, чтобы подтянуться. Но тут же все дружно запротестовали, и не позволили ему произнести свой тост стоя. Алексей смутился, как то по-детски, сжал губы, и улыбнувшись, вытянул свой бокал на середину стола.

– За настоящих друзей, ради которых можно пожертвовать самым дорогим в жизни. А если надо – то и самой жизнью! – произнес он, чуть ли не по слогам, и весело подмигнув Джейсону, вмиг осушил бокал, и провел ладонью по своим влажным губам.

Спустя полчаса к ним присоединилась и Лайза, которая была в этот вечер особенно вежлива, обходительна, и доброжелательна. По просьбе своего любимого мужа она отварила полную чашу огромных королевских креветок, поставила их в центр стола, и тепло поздоровалась с Джейсоном, с которым не виделась уже более месяца. Затем она ласково погладила по голове смущенного Алексея, к которому с первых минут его появления в их доме отнеслась сочувственно, а потом присела рядом с Грэгом.

До самого поздна все пятеро сидели в беседке и непринужденно разговаривали о чем угодно, только не о надоевшей всем политике и еще более противных всем политиках. Эта тема осталась в этот вечер запретной. Самым разговорчивым оказался Николай Сергеевич, который после четвертого бокала стал вспоминать многие английские выражения, скороговорки и анекдоты, чем вызывал искреннее восхищение и улыбки у всех присутствующих. Временами он переходил на русский, и похлопывая Джейсона по плечу, просил его перевести ту или иную фразу. Даже Алексей, который вынужден был стойко переносить пульсирующую в ногах боль, хлопал в ладоши, и заливался хохотом. Застолье продлилось до одиннадцати вечера. Белов посмотрел на свои часы, встал из-за стола, и с присущим ему чувством такта и почтения к хозяевам дома, поблагодарил Лайзу и Грэга за незабываемый вечер, и предложил завершить этот торжественный ужин.

– Вы не против, господа, если я заберу у вас Алекса, – спросил Джейсон Николая Сергеевича, помогая другу застегнуть протезы, – нам есть о чем поговорить.

– Думаю, он и сам этого хочет. Ему с нами, со стариками должно быть не интересно, – ответил Белов, с улыбкой на лице, – так что поезжайте, ребята!

– Прошу тебя, Джейсон, дай Алексу хорошо выспаться сегодня, а завтра, как проснетесь, сразу же приезжайте к нам, – напутствовал Грэг своего агента на прощание.

– Есть, сэр! Непременно будет исполнено, сэр, – ответил Джейсон весело и с задором, махнув рукой в его сторону, – Как проснемся, сразу же приедем к вам!

В половине первого ночи Джейсон привез Алексея к себе домой, и поселил его в той самой комнате, в которой тот жил в свой прошлый приезд, и которая ему тогда очень понравилась. Поскольку никому из них не хотелось спать, они просидели на кухне около часа, спокойно и по-дружески беседуя за чашкой кофе. Со слов Алексея, Джейсон узнал, что они прибыли с Беловым в Лондон для проведения тайного свидания с официальными представителями правительства Великобритании, которого они долгое время добивались.

– Эта встреча была запланирована еще месяц назад, – сказал Алексей, – но Николая Сергеевича не выпустили из страны, и нам пришлось отложить свою важную поездку. Однако на этот раз мы взяли сначала билеты на Астану – столицы Казахстана, зарегистрировали их,

а затем, с помощью своих проверенных агентов, поехали на машине в Эстонию, а оттуда – вылетели в Лондон. Белов уверен, что медлить дальше нельзя, и необходимо предпринять срочные меры, чтобы сменить в России преступный режим, ввергнувший страну в нищету и бесправие, и установить, наконец, власть народа.

– Представляю, как это сложно, – отреагировал Джейсон, глядя на русского офицера сочувственным взглядом, – жаль, что не могу присоединиться к вам. Однако искренне желаю вам победы! Ну а теперь, давай по койкам, что ли?

Перед тем, как выйти следующим утром из дома, русский полковник устался на лестницу, ведущую на второй этаж, в надежде, что вот – вот услышит звонкие голоса Мэри и Роуз, с которыми ему непременно хотелось, хотя бы поздороваться.

– Это пустая трата времени, Алекс, сегодня мы приедем домой пораньше, и ты наговоришься с ними вдоволь, – сказал Джейсон, заметив его пристальный взгляд, – с наступлением каникул, они подолгу засиживаются у компьютера, разговаривают то с Рикки, то с Изабель, и встают не раньше десяти. Так что, вряд ли ты их дождешься.

– Очень жаль, но нам необходимо во что бы то ни стало вылететь сегодня вечером домой. На меня то уже давно махнули рукой, но вот Белову не простят долгого отсутствия на службе, и могут начаться расспросы. У нас там сейчас каждый день проводятся какие – то секретные совещания в связи с массовыми выступлениями недовольных граждан по всей России, и его присутствие на них строго обязательно.

– Да, действительно, очень жаль. А я рассчитывал, что ты побудешь у меня хотя бы пару дней, отдохнешь здесь от всех этих суетных хлопот. Да и вообще, надеялся, что повожу тебя по городу, сходим в театр, или просто посидим за бокалом пива.

– Спасибо тебе, дружище, какнибудь в другой раз, бог даст выберем еще время. А пока нам никак нельзя здесь задерживаться, чтобы не навлечь на себя беду.

– А что за массовые митинги у вас там проходят, Алекс, неужели Россия проснулась, и начинает подниматься? Я слышал, что чуть ли не в каждом регионе и в каждом крупном городе отмечены случаи протестов, которых тут же жестко подавляют силами полиции и сотрудниками вашей конторы. Насколько это правда?

– Это чистая правда, друг мой! Народ в России уже не в состоянии терпеть эти издевательства над собой, и выходит на улицу, требуя соблюдения своих элементарных прав и свобод. Недовольных становится с каждым днем все больше и больше, и похоже, что эту волну нарастающего народного гнева не сможет остановить вскоре даже армия. Многих пересажали, иных отправили в психиатрические клиники, а часть из них покинула страну из – за угроз в свой адрес со стороны спецслужб. Однако большинство населения уже злобно и безо всякого страха выкрикивает антиправительственные лозунги, и настойчиво призывает остальных последовать их примеру. А нашей организации остается только выждать подходящий час, и чтобы в стране не наступил хаос, направить все это протестное движение в цивилизованное русло, и обеспечить соответствующий порядок.

Несмотря на выходной день, генералу Адамсу удалось с утра договориться о персональной встрече Белова с одним из министров британского правительства, которая планировалась

ранее на более поздний срок. Она была перенесена на двенадцать часов дня, в одном из особняков неподалеку от Вестминстерского Аббатства. В назначенное время автомобиль шефа особого отдела подъехал по указанному адресу, и остановился в десяти метрах от входа. Из подъезда в тот же миг вышел подтянутый молодой человек в строгом черном костюме и таком же галстуке, и подошел к ним уверенной походкой.

– Добрый день, господа! – обратился он, вежливым тоном, обратившись к Грэгу, – прошу вас и мистера Белова следовать за мной. Вас уже ожидают!

Тайная встреча длилась более двух часов. Белову были оказаны неофициальные, но тем не менее высокие почести. Русский генерал, судя по выражению его лица, остался доволен результатами состоявшейся беседы с высокопоставленным чиновником, и даже не считал нужным скрывать своей полной удовлетворенности от достигнутых успехов.

– А теперь, господа, едем в ресторан. Надо обязательно отметить это событие, – произнес он, весело, садясь в машину, но заметив, как Грэг недовольно покачал головой, вдруг осекся, и добавил: – но домашний обед мне все же нравится намного больше.

К приезду гостей Лайза снова накрыла стол в уютной беседке, и ждала их, поглядывая каждую минуту на калитку. Заприметив издали знакомый автомобиль, она тут же вбежала в дом, включила плиту, сняла с себя фартук, и вышла к ним навстречу.

Обед у милой и добродушной хозяйки дома получился на славу. Гости долго и наперебой расхваливали ее кулинарные способности, искренне благодарили ее за изысканное угощение, и смакуя, лакомились нежной телятиной, запеченной в фольге с овощами, специями и сливовым соусом. Джейсон с Алексеем долго ждали, пока Николай Сергеевич или Грэг скажут, наконец, чем же закончилась встреча с представителем правительства. Но те молчали, словно испытывая их терпение, и лишь тогда, когда Коллинз отложил салфетку в сторону, и попросил слова, Белов вежливо и тактично перебил его.

– Знаю, о чем ты хочешь спросить, полковник, – произнес он, кашлянув в сторону. – Нас приняли сегодня с почтением, и твердо заверили, что в случае перехода власти к нашей организации, правительство Великобритании предоставит нам всемерную информационную поддержку. Кроме того, ваше руководство окажет должное воздействие на остальные страны, включая и США, чтобы процесс адаптации новой власти, и ее последующей интеграции в общую мировую систему прошел без эксцессов. Русское отделение тайного сообщества готово хоть сегодня ринуться в бой, чтобы избавить свою страну от явных диверсантов, в открытую грабящих и убивающих русский народ. Мы ждем лишь подходящего момента для полномасштабного генерального наступления.

– Да, генерал, вы не должны забывать о том, что вам будет противостоять мощная сила, – вставил свое слово Грэг, который внимательно и с интересом слушал перевод речи Белова, – эта сила не позволит вам взять без боя власть в свои руки. Понадобится очень тщательная и длительная подготовка, не так ли, коллега?

– Вы совершенно правы, господин Адамс, это дьявольская сила действительно очень мощная, и справиться с нею нам будет нелегко, – сказал он, снова задумавшись, – но к нам с каждым днем примыкает все большее число возмущенных людей, даже из числа власть имущих, которые в силу сложившихся обстоятельств вынуждены пока терпеть этот узаконенный

беспредел, и поддакивать. Но поверьте, эта масса непременно станет скоро критической, обязательно выльется наружу, и растечется по всей России.

– Николай Сергеевич, а почему в ваших планах нет оппозиции, ведь насколько мне известно, у нее немало сторонников по всей стране? – спросил его снова Грэг, недоуменным голосом, – неужели, не можете найти среди них достойных людей?

– К сожалению, реальной оппозиции в России нет, – ответил Белов, потупив взгляд, – а те, кто называют себя оппозиционерами, представляют из себя жалкое и смешное зрелище. Те, кто реально мог бы воздействовать на власть, находятся, либо в подполье, либо содержатся в тюрьмах по надуманным обвинениям, или покинув страну на неопределенное время, вещают по интернету. А интернет, как известно, пока не доступен для основной массы населения нашей страны. Большинство народа ежедневно подвергается губительному влиянию официальной лживой пропаганды, бесконечно льющейся с экранов телевизоров, и действующей на нее, как анестезия перед операцией.

И тем не менее, я бы отметил одного молодого политика, по имени Алексей, который пока является единственным лидером во всем разношерстном оппозиционном движении. Его отношение к власти крайне враждебно, обращения к народу достаточно убедительны, а его смелость, выдержка и хладнокровие просто восхищают. Этого парня регулярно сажают в тюрьму, накладывают на него непомерные штрафы, пытаются запугать всеми возможными методами и средствами, отслеживая каждый его шаг и каждый поворот головы в сторону. Однако тот не сдается, и выйдя в очередной раз из застенков, продолжает поносить эту власть с удвоенной силой, и безжалостно разоблачать и выставлять на посмешище перед народом продажных вороватых чиновников всех рангов. Единственный недостаток в его борьбе – это отсутствие доступа к официальным информационным каналам радио и телевидения, которые как огня боятся его растущей из дня в день популярности. Этот храбрец довольствуется пока лишь интернетом, но его имя уже гремит по всей стране, привлекая к себе все больше людей исключительной смелостью, честностью и жестким настроем во что бы то ни стало сменить действующую власть. Мы ничем не можем ему сейчас помочь, но пытаемся хотя бы уберечь от более тяжких наказаний за его открытые призывы к свержению диктаторского режима. К большинству людей, называющих себя противниками действующей власти, я отношусь с явным презрением только из-за того, что они не смогли договориться между собой. Каждый из этих так называемых оппозиционеров мнит из себя великого вождя, и считает, что только он в состоянии положить конец надвигающейся катастрофе, и приведет нашу страну к процветанию. Я знаю, что наша контора с самого начала внедрила своих агентов во все эти оппозиционные партии, группы и организации, и ни за что не позволит им объединиться для общей цели. Единственной силой, готовой по моему мнению достойно противостоять действующему режиму, оставались до недавнего времени коммунисты. Однако после того, как они внесли в свой лозунг имя отца всех народов, большинство их сторонников и даже прежние ярые адепты всеобщего равенства и нищеты, откололись от них. Они считают Сталина жестоким убийцей русского народа, который из-за своей недалекости и неумных амбиций принес в жертву жизни миллионов русских и советских людей. Мы досконально изучили архивные материалы и документы времен второй мировой войны, и пришли к однозначному выводу о том, что многочисленные жертвы советских людей были запланированы задолго до начала войны.

Рассказ о наболевшие проблемах в собственной стране и особенно о потерянном инстинкте самосохранения своего народа, вскоре вызвали в душе русского генерала горькую обиду и боль. Чтобы скрыть выступившие на глазах слезы, он ушел вглубь двора, постоял с минуту у молодого дуба, прижавшись к нему спиной, и вернулся вновь к столу.

– Прошу простить меня еще раз, господа – произнес он, виноватым голосом, взглянув на часы, – однако нам уже пора. Через три часа наш рейс. Если сегодня вечером не будем в Москве, то нас вполне могут ожидать серьезные неприятности.

– Я не сомневаюсь, Николай, что ты справишься со всеми этими проблемами, – произнес генерал Адамс, впервые назвав Белова по имени, – а там, где у тебя появятся трудности, – дай знать, мы обязательно придем к тебе на помощь. Главное, не теряй уверенности в своей победе. Победа любит отважных, целеустремленных и уверенных в себе людей, и в конце концов, с покорностью сдается им на милость.

После проводов Алексея и генерала Белова, Грэг и Джейсон выпили в аэропорту по бокалу пива, поделились впечатлениями от бесед с русскими гостями, и разъехались по домам. Полковник был уже на полпути к Базилдону, когда шеф позвонил ему вновь.

– На ближайшую неделю у нас с тобой нет неотложных дел, сынок, поэтому ты волен распоряжаться своим свободным временем, – сказал он, громким голосом, – а посему, желаю тебе счастливого времяпрепровождения со своей семьей.

Настроение Джейсона сразу же изменилось. С лица сошла грусть, которую он ощущал, находясь рядом с безногим Алексеем, а в глазах его появилась задорная искорка.

Именно об этом он собирался просить генерала только следующим утром. Но Грэг опередил его, предчувствуя тему предстоящей встречи, и сам преподнес ему подарок в виде недельной увольнительной, избавив тем самым от необходимости снова обращаться к нему с просьбой. Джейсон был уже весел и мысленно представлял себе выражение лиц своих дочерей, когда они узнают о том, что завтра полетят вместе с ним на Корсику. К его приезду Мэри и Роуз играли во дворе в бадминтон, в присутствии неистовой болельщицы и беспристрастной судьи в лице Долорес. Но стоило отцу скрипнуть перед калиткой тормозами, как они побросали ракетки на газон, и кинулись к нему со всех ног.

– Ну, что, папа, ты решил, когда мы полетим в Аяччо? – спросили они, чуть ли не в унисон, едва он открыл дверцу машины, – или нам придется еще подождать?

Однако заметив его веселый взгляд, и шутливую мимику на лице, девочки тут же завизжали от радости, буквально выволокли его из салона, и повисли у него на груди.

– Когда нам собираться в дорогу, папочка? – спросили они снова, буквально повиснув у него на плечах, – мы можем теперь сообщить об этом Изабель?

– Все решено, родные мои, полетим завтра первым же рейсом, – ответил Джейсон, взяв дочерей на руки, и нежно расцеловав обеих, – но звонить ей будем только после того, как вы хорошенько меня покормите, и напоите чаем с молоком.

Утро следующего дня выдалось довольно пасмурным и хмурым, но достаточно теплым и безветренным. Джейсон открыл настежь окно своей спальни, выглянул на улицу, и вытянул правую руку, на которой тут же появились первые капли мелкого дождя. От самого горизонта, подгоняемые северным ветром, к городу медленно стягивались густые, темно – синие облака, которые предвещали ненастную погоду. Но даже если все метеослужбы страны сообщили бы в этот момент, что на город надвигается мощный ураган, который способен валить вековые

деревья, и сносить кирпичные дома, это не смогло бы остановить Джейсона, и испортить даже на миг его прекрасного настроения. Он чувствовал себя, как на воздушной подушке, которая повисла в невесомости, не ощущал уже прежнего тяжелого земного притяжения, и парил в небесах словно ангел.

Джейсон быстро переоделся в свой спортивный костюм, натянул на ноги кроссовки, и пока дорожки тротуаров оставались все еще сухими, выскочил из дома, и побежал в сторону окраины городка, чтобы совершить в парковой зоне свой обычный кросс. К его возвращению, девочки были уже одеты, и торопливо завтракали, поглядывая время от времени на часы. Мэри и Роуз страшно боялись, что папу могут внезапно вызвать снова на службу, из-за чего их долгожданная поездка в Аяччо непременно сорвется.

– Я смотрю, вы уже готовы, крошки мои, – произнес он, веселым и ласковым голосом, и потрепав их нежно за волосы, и чмокнув в розовые щечки, – только прошу вас, не спешите с завтраком, и ешьте спокойно. У нас с вами еще достаточно времени.

Времени на сборы понадобилось главе семьи совсем немного, и чтобы не томить дочерей ожиданием, отказался даже от завтрака. Он быстро дополнил свой дневник новыми записями, проверил электронную почту, а потом оделся словно на праздник, и громко скомандовал им: «На выход, мой дорогой экипаж!».

К их прибытию в аэропорт грозные темные облака полностью заволокли все небо. Раздались глухие раскаты грома. Сверкнули первые молнии. Казалось, вот-вот начнется гроза, а за ней последует ливень, и возможно произойдет обычная в подобных случаях задержка вылета. Однако рейс «U2 2123 Лондон – Ницца» объявили точно в соответствии с расписанием. Эйрбас А319 авиакомпании Изиджет пробежал вскоре несколько сотен метров по выделенной взлетной полосе, незаметно оторвался от земли, и плавно взмыл в небо, оставляя внизу сплошное темное покрывало из мрачных и тяжелых свинцовых туч. После пересадки в Ницце, Коллинзы провели в воздухе еще около часа, и без четверти семь вечера, совершили посадку в столице Корсики, но уже рейсом «ХК 103 Ницца – Аяччо» компании Эйр Корсика АTR 72. В терминале их встретила Изабель, которая приехала в аэропорт задолго до их приземления, оставив малютку Винсента дома под присмотром Антуана. Мэри и Роуз разглядели ее еще издали, сквозь плотную массу спящих повсюду людей, и бросились к ней со всех ног, перескакивая через все ограждения, и не обращая никакого внимания на строгие окрики сотрудников паспортного контроля и пограничной службы. А отцу не в меру энергичных дочерей оставалось лишь виновато улыбаться, и извиняться за их несносное поведение.

С приездом Джейсона и девочек, вечер счастливой семьи прошел весело и шумно. После того, как были разобраны все подарки и сувениры, Изабель угостила всех корсиканской запеканкой, рецепт которой позаимствовала у покойной Каролины, и своим фирменным салатом из морских деликатесов. Она вложила в эти блюда столько нежности, любви и энергии, что на столе вскоре не осталось и крошки, и его едва хватило на всех.

Ужин закончился довольно поздно. Дети дождались, пока Винсент заснет, и убежали втроем в детскую комнату, а Джейсон с Изабель отправились на прогулку по набережной.

Они слушали тихий плеск накатывающих к берегу волн и далекий шум проплывающих где – то кораблей. Наблюдали за мерцающими в небе звездами и яркой луной, и вдыхали свежий, отдающий легкой прохладой морской воздух. Взявшись за руки, и скинув с себя обувь, они долго бродили босиком по мелкой гальке. Вели увлеченные беседы о загадочной вселенной, об окружающей их волшебной природе и искусстве. Строили планы на будущее, мечтая совершить когда – нибудь кругосветное путешествие, и погостить хотя бы по паре дней у своих

родителей, проживающих в разных точках планеты. Влюбленные много и весело шутили, брызгая друг в дружку морской водой, и громко смеялись на все побережье, наслаждаясь счастливыми минутами в своей жизни.

Когда Джейсон почувствовал, что его любимая слегка озябла, и подустала, он посадил ее себе на спину, обхватив руками колени, и щекоча за пятки, понес вприпрыжку домой.

Было уже за полночь. В комнатах детей стояла полная тишина. Изабель выключила свет, переложила Винсента в его кроватку, и повела своего супруга в спальню. Несмотря на утомленное от долгой прогулки состояние, она с особой нежностью и удовольствием одарила его нежными ласками и поцелуями, погрузила в незабываемую ночь сказочной любви, и уснула лишь под утро, прижавшись к нему своим роскошным телом.

Когда Джейсон проснулся, часы уже показывали половину девятого утра.

Осторожно, стараясь не разбудить свою любимую, он поцеловал ее прижатую к щеке руку, накинул на себя халат, и бесшумно выскользнул из спальни. Он выпил на кухне чашку кофе, глянул с улыбкой на портрет Каролины, установленным над шкафчиком со свечами и благовониями, и медленно провел рукой по ее изумрудным глазам, все еще излучающим невероятный блеск и удивительный шарм. Джейсон задумался на минуту, а потом быстро переоделся в выходной костюм и галстук, заказал по телефону такси, и вышел со двора. Машина подъехала довольно быстро, и спустя всего двадцать минут, он шел уже по узкой каменистой аллее территории ухоженного и благоухающего цветами и душистыми травами кладбища, держа в руках пышные букеты. Два из них он возложил на могилы Аугусто и Сесиль, а третий, пройдя на несколько метров вперед, и медленно опустившись на колени, бережно положил на памятник их единственной и любимой всеми дочери Каролины, которая так внезапно и так круто изменила всю его жизнь. Он прочитал вполголоса молитву, скрестив перед грудью пальцы рук, уставился на милое лицо, глядящее на него с фотографии, и более получаса просидел неподвижно на земле, оперевшись коленями в мягкую травку. Джейсон разговаривал с покойной Каролиной, будто с живой. Вспоминал их редкие, обрывочные, но счастливые и наполненные безудержной любовной страстью встречи, и предавался далеким, ушедшим в историю ностальгическим чувствам. Эти волшебные, полные безумной любви и нежности искренние чувства, оставили в его сердце неизгладимый след, и мысленно возвращали его в прошлое. Наконец, он медленно поднялся на ноги, стряхнул прилипшие к коленям сухие листья и мелкие травинки, глубоко вздохнул, и вновь прочитал молитву.

– Спасибо тебе, Каро, за нашего прекрасного сына Винсента, – произнес он, тихим голосом, положив руку на плиту, – он растет у нас крепким и здоровым, и очень похож на тебя. Когда подрастет немного, я обязательно приведу его к тебе. У Антуана тоже все хорошо. Мы с ним прекрасно ладим, я очень люблю его, и отношусь к нему, как к своему родному сыну. Я хотел перевезти его к себе, в Лондон, чтобы он жил со мной и с моими детьми, но мальчишка предпочел остаться пока с Изабель. Но ты не волнуйся, я его все равно заберу к себе, и обеспечу ему достойное будущее. А еще, милая моя Каро, я тебе искренне благодарен за Изабель, с которой мы уже обвенчались, и живем теперь душа в душу. Я следовал данному тебе обещанию, и собирался во что бы то ни стало устроить ее судьбу. Но так получилось, что после твоего ухода у нас внезапно возникли друг к другу нежные чувства искренней любви, и я не стал сопротивляться предначертанной свыше судьбе. А теперь, милая Каро, мне пора. Прощай, и покойся навечно с миром. Очень скоро мы заявимся к тебе всем своим дружным семейством.

Следующим пунктом остановки у Джейсона была церковь, где когда – то они узаконили свои отношения с Каролиной. Он встретился с тем же самым священником, кюре Стефаном, который регистрировал их добровольный союз перед Господом, и довольно долго беседовал

с ним о душе, мирских страданиях и жизненных ценностях. На прощание, он преподнес его божьему дому солидное пожертвование, поблагодарил пастора за теплые и душевные слова напутствия, и неторопливо покинул здание храма.

Настроение полковника после посещения церкви было превосходным. Он улыбался от ощущения радости и спокойствия. Душа его пела, обливаясь душистым бальзамом, а в глазах стоял яркий блеск. Когда он приехал домой, дети уже гуляли после завтрака во дворе, и усадив Винсента в коляску, катали его втроем по травке, и весело хихикали, умиляясь забавному лепету своего младшего брата. Изабель была целиком погружена в хозяйственные хлопоты, и носилась по дому, как заводная. После долгих раздумий, он все же решился просить ее съездить с ним к врачу, и снять наконец все сомнения, которые все еще одолевали его. Он очень хотел окончательно убедиться в том, что его законная супруга совершенно здорова, и ему не о чем беспокоиться за их будущее. Неожиданное предложение не застало его любимую врасплох, будто она ожидала от него подобную просьбу, и разумеется, о каком – либо возражении не могло быть и речи. Она довольно быстро оделась в свой летний белый костюм, обулась в голубые босоножки, расчесала свои пышные пшеничные волосы, и встала перед своим мужем, нежно обняв его за шею.

– Я давно уже догадалась, для чего тебе это нужно, – промолвила она, уставившись на него совершенно спокойным взглядом, и легонько коснувшись губами его шеи, – но я опередила тебя, милый мой, и все сделала сама, еще два месяца назад.

Оказалось, те же мысли, что мучили Джейсона, беспокоили не меньше и саму Изабель. Она заблаговременно обошла всех докторов, и тщательно проверила весь свой организм. Более того, она заставила врачей составить для нее подробную справку о состоянии своего здоровья в виде подробного письменного отчета. Однако она не стала предъявлять ее своему супругу, а сразу же позвонила доктору, и для большей достоверности повезла его в клинику. Уже в приемной их встретил невысокого роста, пожилой, седовласый мужчина в очках, белом халате и колпаке.

– Поскольку я уже в курсе по какой причине вы пришли ко мне, дорогие мои друзья, – произнес доктор, спокойным и вежливым голосом, глядя только на одного Джейсона, – то считаю излишним всякие прелюдии, и могу сразу же, и со всей ответственностью заверить вас, молодой человек, что ваша очаровательная супруга абсолютно здорова, и способна родить вам совершенно здоровое и крепкое потомство. Так что, надеюсь, вас удовлетворил мой ответ, и вопросов ко мне больше нет?

Визит в клинику снял все сомнения и страхи Джейсона. Он получил наконец все ответы на волновавшие его долгое время вопросы, и обрел в душе невероятное спокойствие, безмерное чувство радости и полное удовлетворение. Ему оставалось лишь поблагодарить почтенного человека в белом халате, и крепко пожать ему руку.

– Прости, милая, мне очень неловко, что подверг тебя столь неловкой процедуре, – произнес он, ласковым голосом, выйдя из кабинета доктора, и обняв Изабель за талию, – надеюсь, теперь ты поняла, для чего мне это было нужно?

– Не думай об этом, родной мой, – успокоила она его, таким же мягким тихим тоном, – я ведь изначально тоже была вся в сомнениях. И тоже думала, что причина безвременной кончины Каролины, а потом и неожиданной смерти твоей супруги Кэтрин, возможно, стала твоя карма, которая в будущем отразится и на меня, вследствие чего и мне также может грозить

опасность. Но поверь, если бы даже я и была уверена в том, что меня могут ожидать в дальнейшем какие – то проблемы, то все равно связала бы свою судьбу с твоей, и ни за что на свете не отказалась от счастья находиться рядом с тобой!

Голос ее был веселым, спокойным и ровным. Ее огромные голубые глаза искрились от радости. Она обняла своего любимого, поцеловала его в губы, и шепнула на ухо:

– Я подозреваю, милый, что наша первая брачная ночь принесла свои плоды.

– Неужели?! – также шепотом, произнес он, – ты уверена, радость моя?

– Пока еще не совсем, но у меня уже несколько дней длится задержка, и я подозреваю, что во мне зарождается новая жизнь, – ответила она, вплотную прижавшись к нему своей пышной грудью, – представляешь, я тоже смогу скоро стать настоящей матерью, и родить тебе либо мальчика, либо девочку. Господи, как же я этого хочу!

Внезапное чувство волнения вновь охватило Джейсона. Но это уже были ощущения неумной радости, обволакивающие его трепещущую душу. Он нежно поцеловал ее в пухлые губы, погладил по густым золотистым волосам, а затем медленно опустился на корточки, и приложил ухо к ее животу, который оставался все еще плоским.

– Господи, неужели, это, правда? – уже вскрикнул он, обхватив ее ноги руками.

– Не торопись, любимый, а то еще сглазишь, – предупредила его Изабель шутливым тоном, приложив палец к губам, и вновь прижавшись к нему всем телом.

Влюбленная пара еще долго гуляла по набережной, наслаждаясь прекрасными минутами своей счастливой жизни, и обсуждая, кого бы им хотелось иметь больше, мальчика или девочку, пока Изабель, наконец, не обратила внимание на время.

– Боже милостивый, уже два часа дня, а у меня там дети еще не кормлены, – воскликнула она, резко схватив своего супруга за руку, – давай – ка, милый, немедленно садись в машину, а то я сейчас с ума сойду! Ну надо же, совсем голову потеряла!

Однако беспокойство ее оказалось напрасным. Сразу же после того, как они умчались в клинику, ребятишки еще долго прогуливались по двору, по очереди катая малыша в коляске, и настойчиво пытаясь научить его каким – то словам. Но Винсент в ответ лишь лепетал что – то на своем, и звонко смеялся тоненьким голоском, обнажив два передних зуба, пробившихся у него с неделю назад. Однако вскоре, видя, что папа с Изабель задерживаются, девочки позаботились о своем младшем брате. Они вовремя приготовили для него молочную смесь, покормили его с ложки, передавая ее друг дружке по кругу, а затем разогрели на плите мясо с макаронами, и поели в столовой и сами.

Едва молодожены переступили порог дома, как Мэри и Роуз сначала кинулись в объятия к Изабель, нежно расцеловали ее, а затем взяли отца за руки, уставились на него пронзительными взглядами, и напомнили ему о его обещании приобрести яхту. Джейсону оставалось лишь мило улыбнуться, и подтвердить данное им слово.

На следующее утро они все вместе отправились в бюро по аренде и продаже морских судоводных средств. Предложений оказалось довольно много, но выбирали недолго. После

ознакомления с внушительным списком представленных экземпляров маломерных судов, дети, будто сговорившись, остановили свой выбор на одном из них, с выведенными на бортах надписью «Диана», названной так в честь английской принцессы Дианы, трагически погибшей в страшной автокатастрофе в Париже. Роскошная белоснежная яхта длиной в 34 метра сразу же понравилась детям, и все трое практически одновременно указали на нее пальцами. В ней было шесть просторных кают, небольшой бассейн, душевые, большой зал, две игровые комнаты, просторный камбуз, холодильник, два галюна и несколько отсеков для размещения припасов и разной утвари.

– Ну, что, ребятки, берем? – спросил Джейсон, весело и громко, когда детвора высыпала, наконец, на его корму, облазив к тому времени все помещения на судне.

– Береее!!! – дружно ответили они, громкими криками, сбежав вниз по трапу. Джейсон повернулся затем к Изабель, которая стояла в стороне с Винсентом на руках, и заметив ее одобрителный кивок, ударил по рукам с продавцом, и объявил, что сделка совершена. Пока он в присутствии нотариуса оформлял документы, дети снова взобрались на яхту, и долго инспектировали ее по-своему. Они по-хозяйски заглядывали в каждый ее уголок, фотографировали его со всех сторон, и тут же пересылали снимки своему старшему брату Рикки, который сразу же отвечал им восхищенными сообщениями с одобрением и поздравлениями. Поднялась на яхту и Изабель с Винсентом, которая была в этот миг не менее счастлива, чем ребяташки. Она с восторгом улыбалась, вдыхала с наслаждением морскую свежесть, и вытягивая Винсента на руках, громко кричала:

– Вперед, мой капитан! Морские просторы зовут тебя в даль!

Глава семейства оплатил чеком стоимость покупки, получил на руки свидетельство владельца судна, после чего, еще долго упрашивал всех покинуть яхту, и сесть в машину.

По пути домой они купили огромный торт, собрались в гостиную за большим столом, и торжественно отметили солидное приобретение, которое пришлось по душе каждому из них. Но если Джейсон с Изабель вскоре занялись Винсентом, то ребята еще в течение двух часов дружно обсуждали, кто и какую каюту займет, и чем ее будет украшать.

Последующие дни супружеская чета проводила все свое время в основном с малышом Винсентом, и редко выбиралось в город, да и то лишь по необходимости, когда в очередной раз заканчивались те или иные съестные припасы или напитки. А дети, забросив все свои домашние игры, забавы и прогулки, каждый день пропадали на своей яхте, и приходили домой, лишь проголодавшись, либо к обеду, либо к ужину.

Неделя беззаботного и счастливого отдыха пролетела для всех незаметно. Наступил грустный день, когда Коллинз вынужден был лететь обратно в Лондон. Накопившиеся за это время служебные дела требовали его непосредственного участия, и продлить свое пребывание с семьей в райском уголке планеты, хотя бы еще на один день, он уже не мог.

Он собрался с утра пораньше, разбудил затем всех троих ребяташек, дал каждому из них свое отцовское наставление, строго потребовав, чтобы те вели себя подобающим образом, а потом попрощался с каждым в отдельности. Изабель кинулась было в этот момент к гаражу, чтобы довезти его на машине до аэропорта, но Джейсон решительно возразил ей.

– Доберусь сам, милая, я уже вызвал такси. Оставайся, пожалуйста, с детьми, так будет лучше, да и мне на душе спокойнее, – произнес он, нежно обняв свою любимую супругу, и поцеловав ее в губы, – так что, возвращайся в дом, и жди к вечеру моего звонка.

– Как скажешь, родной, – ответила Изабель, тихим голосом, смиренно опустив голову, – пожалуйста, звони нам почаще, чтобы мы знали, что с тобой все в порядке

После двух часов мягкого убаюкивающего полета, который прошел для него совершенно незаметно, полковник Коллинз благополучно приземлился в лондонском аэропорту Гатвик, 11:15. Едва покинув салон авиалайнера, он доложил шефу о прибытии, выпил в баре чашку кофе, и забрав со стоянки свою машину, умчался на Вестминстер. Грэг встретил его у подъезда здания, и коротко обменявшись с ним крепким рукопожатием, обнял по-отечески за плечи, и повел его в их излюбленный ресторан.

– Надеюсь, ты достаточно отдохнул, сынок, и готов вновь приступить к своим обязанностям? – спросил он, едва они присели за столик в немногочленном зале.

– Спасибо, шеф, все было чудесно, – ответил Джейсон, довольным голосом, – запаса сил и энергии мне теперь хватит надолго. Так что, я весь во внимании.

– У меня несколько новостей, – сказал Грэг, с серьезным выражением лица, – первая: – пару дней назад у меня состоялся разговор с русским генералом Беловым. Так вот, Николай Сергеевич поведал мне, что он связывался накануне с Брайаном, и просил его прислать ему несколько дронов «Крис», которые были продемонстрированы им в том числе и полковнику Воскобойникову вместе с остальными членами группы, во время его командировки в США. Однако Николас отказал ему, сославшись на то, что у них в настоящее время проводится тотальная проверка целевого расходования выделенных средств, и никак не может пока оказать ему эту помощь. В приватной беседе со мной Белов сказал, что его сотрудниками подготовлен детальный план по устранению девяти высокопоставленных чиновников из администрации Кремля, которые являются ключевыми фигурами во властной иерархии в России. Это наиболее одиозные фигуры, открытая ненависть к которым в России переходит все границы. Они в подробностях выяснили маршрут передвижения этих лиц на день запланированной акции, и установили свою скрытную систему наблюдения на всех промежуточных участках. Однако во избежание возможных в таких случаях промахов и ошибок, русский генерал обратился к Брайану, и попросил его предоставить ему эти беспилотники, которые однозначно и без лишней суеты смогли бы решить вопрос. Получив отказ, он и обратился ко мне с просьбой о содействии. Ты представляешь, Джейсон, всего какая – то дюжина дронов, могла бы сегодня решить проблему власти в России!

– Как же Брайан предоставит их, если в его городке, как ты сказал, проводится столь серьезная проверка? – спросил Коллинз, не понимая, каким образом даже сам Грэг в состоянии оказать помощь Белову, – если в такой сложной ситуации он сделает хотя бы один неосторожный шаг, на него тут же наденут браслеты, и уволочут куда подальше.

– Да брось ты, Джейсон, никакой проверки у него нет, – прервал его генерал, – он просто боится передавать их русским, не зная, попадут ли они по назначению. Мне кажется, что он даже демонстрировал их с одной единственной целью, чтобы показать, что американцы многократно превосходят всех остальных в технических разработках.

– А как же солидарность внутри тайного сообщества? – процедил полковник, возмущенным голосом, – или наших американских коллег это уже не касается? Куда же подевалась его торжественная клятва, идти со всей организацией до самого конца?!

– Но если мы попросим об этом Брайана, то нам он, разумеется, предоставит эти дроны, – продолжил Грэг, уставившись своим пытливым взглядом на собеседника, – но в этом случае на нас с тобой ляжет вся ответственность за их применение в России. Ты представляешь, сынок, чем нам обоим может это грозить в случае их провала?!

– То, что происходит сегодня в России, Грэг, не нравится не только всему миру, но прежде всего, ее собственному народу, который осознает, что над ним проводят бездушные и бездумные эксперименты, – произнес Джейсон, достаточно уверенным голосом, – абсолютно убежден, что кардинальные изменения там произойдут в любом случае, и вопрос только во времени и сроках. А если мы окажем русским эту помощь именно сейчас, когда они нуждаются в ней наиболее остро, то в случае благоприятного исхода их акции, все наши карты станут в тот же день козырными. Тебе так не кажется?

Прозорливый генерал лишь довольно улыбнулся, погладил свои усы, и вздохнул с каким – то облегчением. На любой иной ответ от своего сотрудника он и не рассчитывал. Но ждал, пока эти вполне закономерные выводы прозвучат именно из его уст.

– Целиком с тобой согласен, друг мой, – сказал он, одобрительным тоном, – теперь надо подумать, на какие цели мы выпросим теперь эти дроны у Брайана.

– Думаю, к вечеру что – нибудь придумаем, шеф, и выберем оптимальный вариант, а потом свяжемся со своим американским коллегой, и обговорим его с ним, – промолвил Коллинз, завершая тему одного из вопросов, о которых тот говорил, – и надо сделать все возможное, чтобы наши доводы прозвучали для него как можно убедительнее.

– А теперь, дружище, перейдем от дел неофициальных, к делам своим служебным, то есть к вопросу государственной важности, – заявил затем Грэг, выпрямив спину, и взглянув на своего собеседника сосредоточенным взглядом, – накануне утром меня вызывал к себе руководитель Департамента, и поручил одно очень ответственное и сложное задание, связанное с золотым запасом Саддама Хусейна, пропавшим в Ираке в начале войны. Точное количество того золота никому до сих пор не известно. Но я уверен, что речь идет о более, чем семи-стах тоннах благородного металла, которого перед самой бомбежкой Багдада было вывезено под покровом ночи за город, и закопано где – то недалеко, в пределах от двадцати до пятидесяти километров от столицы. Военные, которые осуществляли это секретное мероприятие, погибли в боях на подступах к Багдаду, а сама деревушка, в которой по некоторым данным замуровали этот драгоценный клад так и осталась никому неизвестной. Казалось, тайна этого золота будет навсегда похоронена в безжизненных песках Ирака. Однако несколько дней назад, в Лондоне появился человек, который пытался через своих соотечественников наладить контакт с ответственным сотрудником одного из столичных банков. За солидное вознаграждение мужчина просил банкира разместить у себя на депозите несколько его золотых слитков.

В случае, если первая операция пройдет успешно, он обещал предоставить финансовому учреждению еще не менее одной тонны такого же металла. За дело, как и полагается, взялась служба безопасности банка, и убедившись, что человек довольно серьезно настроен на сделку, обратилась в полицию, которая и задержала его. Стражи порядка допросили гостя столицы, обыскали его, а затем осмотрели жилье, которое тот временно снимал в пригороде Лондона.

Не обнаружив в нем ничего подозрительного, и не имея оснований для его дальнейшего содержания под стражей, они извинились перед ним, и отпустили с миром. Однако один из банкиров, на всякий случай, проинформировал о произошедшем секретную службу, и передал все имеющиеся у него сведения об этом странном человеке. Эта информация сразу же попала к директору нашего ведомства, и после некоторого поверхностного анализа, как я тебе сказал, была поручена вчера нашему отделу. Мне достоверно известно, что американцы в течение нескольких лет упорно, но безуспешно охотились за этим металлом. Они затратили несколько десятков миллионов долларов на его поиски, привлекли огромное количество местных жителей, перевернули сотни тысяч кубометров песка в окрестностях Багдада, но так и не нашли даже его следа. Тайна золота Саддама Хусейна осталась тогда нераскрытой. Возможно, на иракского беженца и не обратили бы никакого внимания, если бы не описание слитков, которых он предоставил в банке. Их характеристики в точности совпадают с теми, которые имеются в материалах нашей секретной службы. Все параметры сходятся: и соответствующий вес, и государственная маркировка, и особые метки. И как ты понимаешь, сомнений в этом деле у меня нет. Я просто уверен, сынок, что это определенно золото бывшего диктатора!

– Должно быть, в его голове давно уже созрел план, как поступить в создавшейся ситуации, – думал в этот момент Джейсон, внимательно вслушиваясь в каждое слово своего шефа, жаждающая услышать, наконец, о его идеях, – наверняка генерал Адамс выработал уже в связи с этим какую – то схему, и вот-вот расскажет о ней.

Как он и предполагал, Грэг не стал надолго затягивать паузу, и томить своего собеседника ожиданием. Он достал из кармана пиджака фотографию иракского беженца, на обратной стороне которого были записаны все его данные, включая и временный адрес проживания, пробежался глазами по тексту, и протянул его полковнику Коллинзу.

– У меня, разумеется, есть кое – какие соображения по этому делу, – сказал он, выпив стакан воды, и поднявшись из-за стола, – но хотелось бы, чтобы ты хорошенько поразмыслил над этим сегодня, а завтра к утру, предоставил мне свои предложения.

– Погоди, Грэг, ты ведь собирался поведать мне еще о чем – то, – спросил его полковник, поравнявшись с ним у самого выхода из ресторана, – или уже забыл?

– А ты никому об этом не скажешь? – ответил тот, вопросом на вопрос.

– В чем дело, шеф? У нас что, появились друг от друга секреты? – уставился на него Джейсон, с явным удивлением в глазах, – давай уж, не томи, чего тянешь?

Лицо генерала вдруг неожиданно порозовело, а на скулах заходили желваки. Он остановился в дверях, повернулся к Коллинзу лицом, и схватив его за лацканы пиджака, стал судорожно трясти их, вызвав у того вначале даже какое – то беспокойство в душе.

– Господи, неужели помешался, – подумал было полковник, но увидев в глазах своего старшего друга лукавую улыбку, сразу отменил эту крамольную мысль.

– Ты представляешь, сынок, моя Лайза забеременела! – произнес Грэг, чуть ли не по слогам, тихим и приглушенным голосом, будто предавал огласке настоящую государственную тайну, – это может показаться тебе невероятным, но это факт!

– Боже мой, как же ты напугал меня! – вскрикнул Джейсон, сделав глубокий выдох, и громко рассмеявшись, – поздравляю тебя, Грэг, с этим счастливым событием! Значит мой уважаемый шеф станет папой, и скоро будет гулять с коляской?

– Да ну тебя, балабол! – отмахнулся тут же смущенный генерал. – я раскрыл тебе свою тайну, поделился самым сокровенным, а ты тут орешь на всю улицу!

– Прости, Грэг, больше не буду, – произнес полковник, виноватым тоном, глядя на того радостной улыбкой, – но сегодня же вечером мы обязательно должны отметить это знаменательное событие с помпой, и воздать нашему Господу особую хвалу!

После окончания рабочего дня Джейсон съездил домой, переоделся в белую рубашку и темно-синий костюм с фиолетовой бабочкой, купил огромный букет крупных алых роз, бутылку шампанского, литровую бутылку виски «Джек Дэниелс», и поехал к генералу. Он был безмерно счастлив, что его лучший друг, старший товарищ и бессменный наставник, также обретет наконец свое полное семейное счастье не только с новой супругой, но и с ребенком, о котором тот не смел даже и мечтать после совершенно необъяснимого развода со своей первой и единственной за тридцать лет женой.

Стояла теплая летняя погода. Несмотря на то, что часы уже показывали девять вечера, на улице по-прежнему было довольно светло, и необычно тихо. Поток машин на дорогах заметно сократился. Людей на тротуарах стало меньше. Сумерки сгущались довольно медленно, но на придорожных столбах улиц и проспектов уже стали зажигаться первые фонари, а витрины магазинов и аптек засверкали неоновым светом.

На пороге дома Джейсона встретила Лайза, и увидев его в праздничном наряде, да еще с цветами и полной сумкой в руках, прижала руки к груди, и сделала шаг назад.

– Я так и знала, что он не сдержится, и обязательно расскажет тебе обо этом, – произнесла она, с улыбкой, догадавшись о причине столь нарядного облачения лучшего друга своего супруга, – а ведь я его просила, чтобы он держал это пока в секрете!

– Поздравляю тебя, миссис Адамс! – промолвил он, с широкой улыбкой на лице, – искренне желаю тебе родить еще одного маленького, крепкого и здорового генерала во благо нашего святого отечества! А мужа своего не вини в том, что он поделился со мной этими новостями. Кто, как ни я должен был узнать об этом первым?

Голос Джейсона оказался столь звучным и громким, что Грэг расслышал его даже за плотно закрытой дверью своего кабинета. Он тут же схватил со стола ноутбук, зажал его под мышкой, и быстро сбежал вниз по ступенькам, издали приветствуя своего гостя.

– Хорошо, что ты пришел, сынок, а то я только что собирался звонить тебе, – заявил он, раскрыв с ходу ноутбук, – можешь не благодарить меня, но я существенно облегчил нам задачу с новым объектом. Вот, гляди, это тот самый иракский беженец, владеющий информацией о золоте Саддама. Надеюсь, эти кадры помогут найти его.

На мониторе было видно, как небритый, сгорбленный с опущенными плечами мужчина восточной внешности, идет медленной походкой по одной из улиц Путни – пригорода Лондона.

Затем он свернул в небольшой переулок, покурив перед калиткой одного из домов, а потом бросил окурочек в траву, и вошел во двор небольшого участка.

– По сведениям наших сотрудников, он со вчерашнего вечера не выходил оттуда, – сказал Грэг, захлопнув крышку ноутбука, – то ли устал, то ли чего – то опасается. Но в любом случае, его местонахождение установлено точно, и наши агенты уже ведут наблюдение не только за этим домом, но и всей прилегающей к нему территорией.

После небольшой паузы, дав возможность Джейсону осмыслить информацию, генерал положил ноутбук на журнальный столик, и повел его в столовую. Но Лайза вдруг окликнула их, и сказала, что уже накрыла для них стол в беседке. Счастливая хозяйка дома расставила по всему периметру беседки разноцветные ароматические свечи, ровное и высокое пламя которых магически притягивало к себе, и создавало небывалый комфорт и таинственность романтического застолья. Повесила также на всех столбиках опоры беседки небольшие разноцветные шарики, которые гармонично вписались в общую праздничную картину. Кроме того, вся внутренняя часть беседки была опоясана словно паутиной мелкими лампочками, оставшимися в доме от рождественской елки. Торжественный ужин по случаю возможного прибавления в семействе Адамсов продлился до часа ночи в обстановке веселого душевного настроения и домашнего уюта. Несмотря на немалое количество выпитого алкоголя, оба офицера выглядели достаточно свежо, и сохраняли за столом подчеркнутую вежливость, абсолютное спокойствие и тактичное отношение друг к другу. За очередным бокалом виски, Коллинз также разоткровенничался со своими друзьями. Он сообщил им, что его Изабель тоже ждет ребенка, чем тут же вызвал у них бурную радостную реакцию, и восторженные возгласы. Вскоре, заметив в свете ярко горящих свеч, что глаза Лайзы стали уже слипаться от усталости, а голова ее опустилась на плечо своего супруга, Джейсон произнес в ее честь заключительный тост, залпом осушил свой бокал, и поднялся из-за стола.

– Спасибо вам, родные мои, – произнес он, бросая взгляд то на Грэга, то на его прелестную супругу Лайзу, – не представляю, как бы я жил без вас. Я вами очень горжусь, безумно люблю вас, и буду верен нашей дружбе всю свою жизнь! Да хранит вас Великий Господь на радость друзьям и назло врагам! Ну, а мне уже пора трубить отбой.

Яркий, красивый и насыщенный романтической атмосферой вечер подошел к концу. Зная, что дома его никто не ждет, Джейсон с удовольствием остался ночевать у Адамсов, которые были для него больше, чем друзья и коллеги. Он послал своей Изабель короткое сообщение, в котором было всего одно слово: «люблю!», ополоснулся под холодной водой, переоделся в новую пижаму, и отправился спать на уютную мансарду.

Следующим утром, полковник поднялся раньше всех, и стараясь никого не беспокоить, выпил лишь полный стакан минеральной воды, и уехал к себе в Базилдон.

Долорес к тому времени была уже вся в заботах по домашнему хозяйству, и очень обрадовалась возвращению хозяина дома. Она сразу же прервала свои хлопоты, обняла его ласково по-матерински, быстро приготовила завтрак, и уселась с ним рядом за стол.

– Мистер Джейсон, пожалуйста, верните мне Мэри и Роуз, а то я так соскучилась по ним, что места себе не нахожу здесь, – обратилась она к нему с мольбой.

– А у меня к вам другое предложение, миссис Долорес, – ответил ей Джейсон, с улыбкой на устах, сделав глоток кофе из своей кружки, – как вы отнесетесь к тому, если я отправлю вас

к ним в Аяччо? Вы прекрасно там отдохнете, наберетесь сил и энергии. Да и девочки с Изабель будут безмерно счастливы видеть вас рядом с собой.

О возражении внезапно вспыхнувшей радостными чувствами благородной женщины не могло быть и речи. Напротив, она очень обрадовалась, и даже ни на секунду не раздумывая, выразила готовность отправиться к своим любимым воспитанницам. Джейсон не стал откладывать в долгий ящик принятое решение, позвонил в тот же миг в агентство Бритиш Эйрлайнз, и заказал ей билет на дневной рейс, в салон первого класса.

– Только у меня к вам огромная просьба, мистер Джейсон, – снова обратилась к нему Долорес, несколько смущенным голосом, – я очень переживаю за свои цветы в Лондоне. Вы не могли бы, если это конечно не отвлечет вас от более важных дел...?

– Я вас понял, миссис Долорес, – ответил он, догадавшись о сути ее просьбы, – но можете не беспокоиться, пока нахожусь здесь, буду регулярно поливать их.

Он поднялся после этого к себе в кабинет, вернулся через пару минут назад, и вручил ей конверт, в котором лежали две пачки денег, по пять тысяч фунтов в каждой.

– Прошу вас, ни в чем себе не отказывайте, дорогая наша миссис Долорес, – произнес он, с улыбкой на лице, – ну а теперь, спешу сообщить, что ваш рейс через три часа. В Аяччо вас встретит Изабель, и отвезет к Мэри и Роуз. А сейчас я закажу такси до аэропорта, поскольку сам не смогу вас проводить. А как приземлитесь в Аяччо, сразу же позвоните мне, буду с нетерпением ждать вашей весточки. Так что, собирайтесь в дорогу.

Величественная дама была невероятно рада, что ее одиночество продлилось недолго, и она снова окажется в окружении дорогих ее сердцу детей, которые с некоторых пор стали для нее, как родные. Она мило улыбнулась благородному хозяину дома, слегка помялась, смущенно переминаясь с ноги на ногу, будто студентка перед строгим экзаменатором, и не проронив больше ни слова, тут же исчезла за дверью своей комнаты. Счастливая улыбка на добродушном лице и неожиданная прыть в ногах уже немолодой дворянки, вызвали у Джейсона полное удовлетворение своим внезапным решением.

– В конце концов, от этого всем будет только лучше, – подумал он, глядя с умилением на фотографию своих детишек в гостиной, – да и мне гораздо спокойнее.

На прощание, полковнику хотелось пожелать ей счастливого полета, и напутствовать добрыми словами. Но едва выйдя из спальни, женщина тут же заскочила в ванную, откуда послышался громкий шум льющейся под напором воды. Видя, что Долорес уже не до него, он схватил свой кейс, вывел из гаража машину, и вырулил через минуту на трассу. Однако проехав всего пару миль, Джейсон сошел на обочину, достал из кейса фотографию незнакомца, и вновь взгляделся в его лицо. Затем прочитал с обратной стороны его данные, положил снимок назад, и продолжил свой путь в сторону Путни.

Дом, в котором по сведениям сотрудников проживал Мохаммед, так звали иракца, ничем особенным на отличался от остальных добротных строений всего пригорода. Но его можно было без особого труда обнаружить даже издали. На крыше особняка была установлена огромная белая тарелка – антенна, в виде диска НЛО, которая крепилась на толстой серебристой трубе, сверкающей под солнечными лучами ярким светом. Джейсон свернул на нужную улицу, медленно подъехал к невысокой ограде, встал под свисающими ветвями яблони, и вышел

из машины. Он осмотрелся по сторонам, заглянул сквозь густую листву во двор, и сделал несколько шагов вперед. Едва полковник коснулся рукой калитки, как столкнулся лицом к лицу с человеком, черты лица которого полностью совпадали с теми, что он видел на снимке. Тот стоял, облокотившись плечом на бетонный столбик, с расстегнутой до пупка длинной рубашкой, и с дымящейся между пожелтевшими пальцами сигаретой. Внезапное появление перед собой незнакомого джентльмена, чей пронизывающий до глубины взгляд буквально просверлил его насквозь, заставило мужчину опешить, спрятать сигарету за спину, и резко прикрыть выпирающее брюхо.

– День добрый, сэр, – поздоровался с ним Джейсон, вежливым тоном, – если не ошибаюсь, вас зовут Мухаммед аль Фейсал, или я попал не по адресу?

– Здравствуйте, мистер, – ответил тот, заметно растерянным голосом, – откуда вам известно мое имя, мы с вами вроде нигде не встречались прежде?

– Да, мы действительно незнакомы с вами, сэр, – заявил полковник, не меняя тона разговора, – но чтобы объяснить вам причину своего визита, нам надо пройти для этого в дом, если не возражаете. Не хотелось бы привлекать к себе внимание посторонних.

Мужчина глубоко затянулся, прищулив один глаз, аккуратно затушил сигарету о край жестяной банки из-под кока-колы, и опустил окуроч в его узкое отверстие. Аль Фейсал был внешне совершенно спокоен, но тусклый взгляд впалых карих глаз, под которыми виднелись темные круги, выдавали в нем тоску, безучастность и даже какое – то равнодушие ко всему происходящему вокруг. Он вначале и предположить не мог, по какому поводу и с какой целью нагрянул к нему этот незванный гость в столь раннее время.

– Вы, должно быть понимаете, сэр, почему я здесь, – спросил его Коллинз, выдвинув стул, и присев у самого окна на кухне, – или может, стоит объяснить?

– Да, кажется, догадываюсь, – ответил Мохаммед, оглядев полковника с ног до головы, – даже интересно, чем это может быть полезен вам бедный иракский беженец?

– Вы собирались продать здесь золото, уважаемый Аль Фейсал, и с этой целью специально перебрались под видом беженца в Лондон, – заявил в открытую Джейсон, уставившись на собеседника пристальным взглядом, – расскажите, пожалуйста, откуда оно у вас, и каким образом драгоценный клад Саддама Хусейна попал к вам в руки?

Прямой вопрос полковника Коллинза заставил Мохаммеда резко откинуться на спинку стула, и сжать кулаки. Лицо его сразу же побледнело. Не по годам морщинистый лоб заметно напрягся. Он думал несколько минут, при этом чесал затылок, покачивал головой из стороны в сторону, и тяжело вздыхал. Но затем махнул рукой, вытер рукой вспотевшие виски и шею, и решил рассказать всю известную ему историю с золотом.

– Я был в числе тех гвардейцев Саддама, которым было поручено тайно вывезти золото из города, и спрятать его, закопав недалеко от одной мало кому известной деревни, – сказал он, грустным голосом, в котором чувствовалось нечто большее, чем тоска, – когда работа близилась уже к завершению, я отпросился на полчаса у командира, чтобы провести своих родственников, проживавших в том самом поселении. Начальник, разумеется, был не в восторге от моей просьбы, зная, что времени у нас и так в обрез, и необходимо как можно скорее возвращаться

в Багдад. Но немного подумав, он все же дал добро, но потребовал, чтобы я не задерживался в гостях надолго. Я быстро скинул с себя амуницию, передал свой автомат одному из водителей грузовиков, и туго затянув на поясе ремень, побежал сломя голову в сторону деревни. Однако когда я только приблизился к расположенному на самой окраине первому же домику, вдруг послышался сначала страшный свист, а спустя всего несколько секунд, с северной стороны Багдада прозвучала глухая канонада. Не прошло после этого и минуты, как несколько неизвестно откуда залетевших в эту глухомань снарядов упали всего в пятидесяти метрах от места, где я залег, буквально лишив меня на время слуха. Едва я очухался, как уже в следующее мгновение совсем рядом раздался такой грохот, что все, кто находился в это время на улицах или во дворах, тут же попадали замертво, а остальные разбежались от страха кто куда, прячась кто в подвале, а кто и под развалинами разрушенных домов. Затем в небе появились не менее двух десятков боевых самолетов, после чего, началась массированная бомбежка нашей столицы, которая длилась довольно долго. Уцелевшие от осколков гвардейцы быстро выровняли поверхность над уже зарытым золотом, спешно погрузились снова в грузовики, и покинули деревню. Интенсивность авиабомбежек и артиллерийского огня нарастала с каждой минутой, но сама деревня, за исключением восьми домов, осталась в целом невредимой. Однако вся территория в радиусе трех километров от нее, оказалась в зоне активного обстрела, и была буквально усеяна многочисленными воронками различного диаметра и глубины. В силу сложившейся обстановки я вынужден был переждать до вечера эту жуткую атаку у своих родных, чей дом, в числе многих других, остался в тот день неповрежденным. Когда на улице совсем стемнело, и канонада стала понемногу стихать, я воспользовался старым мотоциклом своего дяди, и не включая на нем фару, направился в сторону Багдада. К моему приходу гвардии Саддама, в которую я входил, в городе уже не оказалось. По приказу сверху весь ее личный состав, слывший наиболее боеспособным подразделением во всей армии, был незамедлительно переброшен на дальние подступы к столице Ирака. Мне было приказано влиться в батальон охраны дворца Саддама, доверили командовать взводом военной разведки, и выдали соответствующую амуницию и новое оружие. На следующий день я узнал от доставленных с передовой раненных бойцов, что вся наша гвардия пала в бою в полном составе, защищая ведущую к Багдаду основную автомагистраль, расположенную от нее в пятидесяти километрах. Я до сих горько сожалею о том, что оставил своих друзей и соратников одних на поле боя, и не примкнул к ним вовремя. А мое горе усугубляется еще тем, что среди погибших были двое моих двоюродных братьев. С выступившими на глазах слезами и с горечью в душе я буквально впал сначала в отчаяние, не зная, что сказать теперь их матерям, и как объяснить им, что я единственный, кто остался жив из всего подразделения? Вскоре Багдад стал довольно быстро делиться на квадраты, автономные участки и даже какие – то новые районы. Затем установили новые порядки, ввели комендантский час, и передвижение по городу простых горожан стало явно небезопасным. Когда в город вошли американцы, сам Саддам Хусейн был спешно эвакуирован в свой родной город Тикрит, где его позже пленили, а затем и повесили взбесившиеся повстанцы. Деревня, на окраине которой спрятали золото, была позже стерта с лица земли, а о ее существовании напоминали лишь жалкие руины. Поскольку, с некоторых пор я входил в число президентской охраны, пусть всего и несколько дней, меня также ждала незавидная участь. Однако в последний момент, когда судьба Саддама была уже окончательно предрешена, я чудом выбрался окольными путями из Тикрита, и вернулся тайком в Багдад. Когда добрался до места, где прежде находился мой дом, то обнаружил там одни развалины. Бесследно исчезли мои родители, жена и пятеро детей, о судьбе которых мне с тех пор так ничего и не удалось выяснить. Убитый горем, я провел в руинах своего разрушенного очага четыре дня без воды и пищи, и выбрался оттуда только тогда, когда мучившая жажда лишила меня последних сил. К тому времени древний город почти целиком погрузился в хаос и безвластие, и разобрать даже днем, где здесь свой, а где чужой, было практически невозможно. По улицам бродили

многочисленные группы мародеров, которые грабили, насиловали и убивали простых жителей. В столкновении с одной из таких банд, я был ранен в ногу осколком гранаты, и пролежал дома у своих друзей более двух недель. К счастью, рана оказалась неглубокой, и спустя месяц, я мог уже ходить, хотя и стал слегка прихрамывать. Видя безысходность сложившейся ситуации, и потеряв надежду найти кого – нибудь из своей семьи, я не стал долго раздумывать. Воспользовался через знакомых поддельными документами, тайком покинул страну, и под покровом непроглядной ночи перебрался в соседнюю, все еще мирную на тот момент Сирию, где проживал один из моих товарищей. Первое время я перебивался тем, что тратил свое месячное жалованье, выданное за несколько дней до начала боевых действий, но потом наступил период полной нищеты и безденежья. Именно в этот момент я и вспомнил о золотом кладе, закопанном вместе с нашими гвардейцами. Пробираясь на перекладных, я снова скрытно вернулся в Багдад, а оттуда, прихватив у друзей пару лепешек, кусочек овечьего сыра и бутылку воды, отправился с рассветом в сторону той самой безымянной деревни. Шел пешком и довольно долго, прихрамывая на левую ногу. К исходу дня, когда все пространство вокруг покрылось сумеречным покрывалом, я все же доковылял из последних сил до деревни, и остановился в одном из глиняных сараев, получившего лишь незначительные повреждения, и чудом уцелевшего во время бомбежек. Я прекрасно понимал, что справится в одиночку с поставленной задачей будет невероятно трудно, но не решился звать себе кого – либо в помощь, и предавать огласке только мне известный секрет. Я также понимал, что передача любых сведений о местонахождении золота даже своим близким друзьям, могла бы стоить им жизни, и поэтому не стал посвящать их в эту тайну. В тот же вечер я облазил останки всех разрушенных домов, и собрал полуистлевшие трупы своих родственников и более четырех десятков тел погибших жителей деревни. Затем вырыл за ночь могилы, совершил ритуальную молитву, и похоронил их с восходом солнца. Через день, когда уже достаточно отдохнул и избавился на время от жутких ощущений, я обустроил свой сарай, дождался наступления ночи, и начал копать. Рыл по ночам, а днем отсыпался, набираясь сил. Мне было известно точное расположение клада и глубина его закладки, и поэтому уверенно продвигался к своей цели. Делал перерыв только для того, чтобы утолить жажду, и съесть кусочек хлеба, брался снова за дело, и с каждым часом опускался все ниже и ниже. Выкопанную смесь глины и песка, я не складывал в одну кучу, а относил ее в сторону, разбрасывал горстями по полю, и тем самым сохранял скрытность своих действий и местонахождения клада. Образовавшуюся нору накрывал на рассвете наспех сколоченной деревянной крышкой, засыпал ее сверху песком, и падая от усталости с ног, возвращался назад в свой сарай, и вновь отсыпался. Наконец, на четвертую ночь утомительных раскопок, когда был близок новый рассвет, лопата уткнулась во что – то твердое, и раздался глухой звук. Мое упорство и настойчивость были щедро вознаграждены, и я все же добрался до заветных ящиков с золотом. Я вытащил на поверхность три слитка, весом в 20 килограмм каждый, аккуратно замуровал свою нору, и замаскировал вход. Затем отсчитал тридцать шагов в сторону деревни, подобрал большой осколок разорвавшейся неподалеку бомбы, воткнул его на том самом месте, и тщательно стер вокруг все следы своих ботинок. Этот осколок должен был послужить ориентиром в случае, если мне представится возможность воспользоваться золотом еще раз. Я хотел было взять в руки сразу все три слитка, и отнести их в сарай, но такой груз в тот миг оказался для меня совершенно неподъемным, и пришлось возвращаться за ним дважды. Когда золото свозили сюда на семидесяти грузовиках, и закладывали его в глубокую яму, они не казались мне столь тяжелыми, и я играючи мог оторвать от земли целый ящик. Но в тот момент с трудом поднял всего два кирпичика. После того, как перенес их в сарай, я аккуратно отпилил от одного из слитков двухкилограммовый кусок, разрезал его еще на четыре части, удалил с них все правительственные метки, и сложил в толстую, потрепанную холщовую сумку. Остальное золото спрятал под деревянным настилом сарая, дождался наступления ночи, и двинулся пешком к дороге, ведущей к Багдаду.

Спустя час, воспользовавшись попутным транспортом, я приехал к своим друзьям, у которых до этого лечил раненную осколком ногу, и переночевал у них. А на следующий день, оставив им в знак благодарности за помощь и доброту полукилограммовый кусок золота, вышел в город, где без особого труда сумел сбыть сазу полтора килограмма драгоценного металла, и выручить солидную сумму денег в американской валюте. В тот же день я приобрел поддержанную машину Тойота, оделся в приличную одежду, раздобыл новые документы на чужое имя, и выехал снова в деревню.

В течение получаса Мухаммед неторопливо рассказывал свою историю, смакуя каждый прожитый им эпизод. Время от времени он делал большой глоток чая из своей кружки, и посматривал безразличным взглядом то на своего собеседника, то на раскрытое окно. Вид у него вскоре стал жалким и подавленным от нахлынувших тяжелых воспоминаний. За все эти полчаса, что тот исповедался перед ним, Джейсон ни разу не перебил его. Он терпеливо дослушал до конца всю его историю, дождался, пока тот отвлечется, наконец, от своего грустного повествования, и предложил ему сделку.

– Если вы покажете место, где находится золото, Мохаммед, то я могу обеспечить вам законное и безбедное проживание на территории Великобритании, – произнес полковник, дружеским тоном, – в противном случае, вас завтра же депортируют из страны, и ваша дальнейшая судьба, как вы понимаете, будет незавидной. Мы вынуждены будем сообщить новым иракским властям причину вашей высылки, и указать на наличие у вас золота, которое принадлежало когда – то бывшему диктатору Хусейну.

Предложение вежливого англичанина, который говорил с ним на хорошем арабском, насторожило Аль Фейсала, и привело даже в откровенное замешательство. Он глянул на Джейсона недоверчивым взглядом, низко опустил голову, и глубоко задумался.

– Как только об этом узнают наши новые власти, меня непременно поставят в Ираке к стенке, – сказал он, подняв вновь голову, – хотя, если им станет об этом известно, то меня могут прикончить и здесь, и желающих погреть на этом руки найдутся повсюду.

– Вот что Мухаммед, я оставляю вам свои координаты, – сказал Джейсон, с добродушной улыбкой, написав на листочке блокнота номер своего резервного телефона, и протянув его иракцу, – по нему можете связаться со мной в любое время. Хорошенько подумайте до завтра над моим предложением, а утром позвоните мне, и сообщите о своем решении. Спасибо вам за гостеприимство, за вкусный чай, приятную беседу и понимание сложившейся ситуации. Надеюсь, наш разговор не выйдет за пределы этих стен.

Аль Фейсал с самого начала был уверен, что этот рослый крепкий и симпатичный англичанин, явно представляющий одну из спецслужб Великобритании, непременно арестует его. Однако вопреки всем его ожиданиям, тот обошелся с ним предельно вежливо. Говорил исключительно на его родном языке. Сделал довольно заманчивое предложение, дающее реальные шансы на свободу и безопасность, и после всего, что услышал от него, оставил одного и даже посочувствовал его горю. Он стоял с минуту в полной растерянности, глядя в недоумении на дверь, и не зная, как реагировать на столь доверительное к себе отношение. Но затем, тряхнув резко головой, кинулся к выходу, выскочил вслед за своим загадочным гостем во двор, и проводил его до самой калитки.

Опытный разведчик прекрасно владел психологией арабов. Работая ранее в другом отделе, где в сферу его деятельности входил и Ближний Восток и Северная Африка, ему

довольно часто приходилось иметь с ними дело. Несмотря на природную хитрость и лукавство, в душе они оставались простыми, добродушными, и даже слегка наивными людьми. Очень ценили доверие к себе, и всегда отвечали добром на добро. Полковник был уверен, что Мохаммед обязательно позвонит ему с утра, и примет его предложение.

Вскоре он выехал из пригорода Путни, набрал Грэга, который к тому времени был уже на работе, и доложил ему о своей встрече с иракским беженцем. Генерал в целом одобрил его план, но выразил некоторые сомнения в успехе предстоящей операции.

– А ты не боишься, что такой загнанный в угол зверь, как Аль Фейсал, может ускользнуть у тебя под носом, – прошептал он, несколько скептическим голосом.

– Нет, Грэг, не боюсь, – ответил Коллинз, уверенным тоном, – этот парень сделает все так, как мы с ним только что условились. Я даже не думаю, что он будет долго размышлять над моим предложением, поскольку для него это единственный шанс остаться здесь, и обезопасить себя. Да к тому же, и с документами у него не все в порядке.

Во втором часу дня, Джейсон встретился со своим шефом у подъезда Управления, и отправился с ним в свой излюбленный ресторан, чтобы пообедать, и поговорить о делах.

– Ну, что, полковник, будем звонить нашему американскому коллеге, и просить у него дронов для русских соратников? – обратился к нему Грэг, едва присев за столик у окна, – наверняка он уже на ногах. Или считаешь, что пока еще рано?

– Думаю, самое время, – ответил Коллинз, уверенным голосом, взглянув мельком на часы, – это очень подходящий для этого момент. Наверняка сидит сейчас у себя в бункере, и пьет кофе, или бродит по просторам своего секретного полигона.

С первого раза звонок полковника со своего дэйзика не прошел. Пару минут спустя, он набрал его снова, однако на этот раз ответ последовал в ту же секунду. Американский генерал действительно находился в тот момент в своем подземном царстве, и был увлечен очередной уникальной разработкой своих талантливых специалистов.

– Приветствую тебя, Джейсон, – раздался, наконец, его веселый и бодрый голос, – тут у меня такой шум стоит, что я и не обратил внимание на гудки в своем телефоне. Так что, прости меня великодушно, дружище. А как у вас там дела, что нового? Как поживает твой шеф Адамс, он наверняка уже раскручивает клубок очередного дела?

– Я тебя тоже приветствую, генерал! – ответил Коллинз, глянув снова на Грэга, – все идет пока своим чередом, и изменений особых нет. У меня неожиданно возникла одна очень сложная проблема, которая и заставила обратиться к тебе с просьбой. Дело в том, что у наших ребят появились в Ираке некоторые сложности, в связи с чем, хотел бы попросить несколько экземпляров Криса. Если да, то когда я смог бы их получить?

– Сколько штук тебе надо, – спросил Брайан, все с тем же задором, даже не задумываясь над его просьбой, – предоставляю их тебе столько, сколько потребуется.

– Десять! – ответил Джейсон, откровенно раздосадовавшись в душе, – это количество устроило бы моих сотрудников, и могло бы решить поставленную задачу.

Прекрасное до этого настроение полковника Коллинза резко сменилось на мрачные ощущения. Он был искренне расстроен тем, что несколько дней назад Брайан почему – то отказал в этих дронах своему русскому коллеге Белову, и тем самым нарушил клятву, данную им еще на первом же заседании тайного сообщества живых теней.

– Как жаль, что такой боевой, мужественный и без преувеличения порядочный человек, каковым его знали все друзья и соратники, оказался на деле не совсем благонадежным, – думал он, стараясь при разговоре с ним скрыть свою досаду.

Однако слова, сказанные Брайаном в конце беседы, заметно изменили выражение его лица, и откровенно удивили, заставив уважать бравого американского генерала еще больше. Его заключительная фраза прозвучала, как укор обидам и сомнениям, как самого Джейсона, так и его всезнающего и невероятно прозорливого шефа.

– Нет проблем, парень, десять, так десять! – заявил Ник, уверенным голосом, – но сначала мне предстоит переправить семь экземпляров Криса генералу Белову, похоже, у них там скоро намечается жаркая заварушка. А послезавтра, ты непременно получишь и свой заказ. Ты представляешь, Джейсон, еле отбил сегодня от правительственной комиссии, которая на протяжении целой недели вынюхивала что – то в моем городке, облазила здесь все углы и отсеки, и бесцеремонно копалась в бумагах бухгалтерии!

После недолгого разговора с Брайаном, полковнику стало реально стыдно за свои мысли о его непорядочности. Он положил трубку, посмотрел молча на Грэга, который внимательно слушал их беседу, и отвел от него свой явно виноватый взгляд.

– Как же все – таки хорошо, что мы с тобой ошиблись, генерал, дав этому поистине настоящему джентльмену сомнительную характеристику, – сказал он, заметно, повеселев, – Брайан все же остается человеком чести, достоинства и верности данному однажды слову настоящего офицера. Я полагаю, что сомнений в его искренности и благонадежности у нас обоих больше не может быть, а стало быть, вопрос о нем закрыт.

– А ведь я чуть было не позвонил ему час назад, – произнес Адамс, тихим голосом, выдохнув с явным облегчением, – хотел откровенно пристыдить его за отказ предоставить Белову эти беспилотники. Что – то чересчур мнительный я стал, Джейсон, старею, наверное. Может, пора сниматься с якоря, и уходить на покой?

Аппетит пропал у обоих. Они выпили по бокалу ирландского пива, вышли из кафе, и молча направились неспешным шагом к зданию Управления. Перед самым входом, шедший впереди Грэг, вдруг внезапно остановился, и повернулся к своему питомцу.

– Давай- ка, сынок, позвони прямо сейчас Белову по дэйзику, и сообщи ему о своем разговоре с Брайаном, – сказал он, улыбнувшись, – да, и обязательно передай ему, что он также ошибался насчет американского генерала, который обещал непременно исполнить его просьбу в течение завтрашнего дня. Думаю, это его обрадует.

Но Коллинз не стал звонить Николаю Сергеевичу, а отойдя на десяток метров в сторону, чтобы никто не смог подслушать его разговор, набрал номер Воскобойникова. Однако не успел он произнести до конца слова приветствия, как Алексей прервал его радостным голосом, и заявил, что накануне имел беседу с Брайаном, который сообщил им о скорой

переброске в Россию новых боевых беспилотников. Джейсону ничего другого не оставалось, кроме как поздравить своего близкого друга с успехом, и пожелать ему удачи в предстоящих событиях и скорейшего выздоровления. Еще через минуту, он встретился в коридоре особого отдела с генералом Адамсом, доложил ему, что их русские коллеги в курсе готовящейся поставки к ним уникальных боевых аппаратов, и уже усердно разрабатывают план применения их на деле. Грэг остался доволен рапортом полковника Коллинза, и весь оставшийся день провел с ним, запершись в своем кабинете, и размышляя над тем, как поступить с золотом Саддама в случае его обнаружения. К концу дня, так и не придя к окончательному мнению, офицеры собрались уже расходиться, как на телефон Джейсона вдруг неожиданно поступил звонок от Мухаммеда.

– Мистер Джейсон, я готов на ваши условия. Не могли бы вы подъехать ко мне завтра, перед обедом, – произнес Аль Фейсал, каким – то обреченным голосом.

– Хорошо, Мухаммед, я понял вас, – ответил Джейсон, по-арабски, – буду у вас к десяти часам утра. Спасибо за звонок, и приятного вам вечера!

Как только его собеседник вышел из связи, полковник выключил телефон, убрал его в нагрудный карман пиджака, и посмотрел на своего шефа торжествующим взглядом.

– Я же говорил тебе Грэг, что с арабами я почти никогда не ошибаюсь, – произнес он, с улыбкой, – если они тебе однажды поверили, то можешь с уверенностью рассчитывать на их дружбу. А уж когда доведется побывать у них, и отведать в их доме хотя бы кусочек хлеба, тогда можешь смело положиться на них даже в самой сложной ситуации. Я в этом многократно убеждался. Думаю, и тебе самому об этом известно.

– Очень рад за тебя, сынок, и приятно слышать, что ты умеешь находить к ним подход, – отреагировал Грэг на бахвальство своего сотрудника, – но меня не устраивает слово «почти», поскольку всегда хочу быть уверенным на все сто, и особенно сейчас.

Джейсон хотел было ответить ему, но в тот самый момент вновь затрещал его телефон, на дисплее которого уже высветился номер его молодой супруги.

– Здравствуй, милый мой и единственный, – произнесла Изабель, ласковым трепетным голосом, – Долорес собиралась позвонить тебе, и сообщить о своем прилете в Аяччо, но я решила сделать это сама, и рассказать тебе все по порядку. Няню Мэри и Роуз я встретила в аэропорту, привезла ее домой, и выделила для нее лучшую гостевую комнату. Она просто счастлива, что попала сюда. Детишки весь день пропадают на море. Они купаются, загорают, резвятся на всю катушку, а вечером, после ужина, сидят то за компьютером, то подолгу беседуют со своим старшим братом Рикки. Но перед сном девочки обязательно помогают мне с уборкой по дому и мытьем посуды. Винсент, похоже, растет не по дням, а по часам, и уже достаточно четко произносит некоторые слова. Ты представляешь, этот карапуз меня сегодня даже назвал мамой!

– Спасибо тебе, родная, за доброту, заботу и внимание, что ты проявляешь к ним, но прости, я сейчас очень занят, – прервал ее Джейсон, перейдя вдруг на шепот, из-за присутствия рядом Грэга, – если не возражаешь, я свяжусь с тобой вечером по скайпу.

– Договорились, любимый, – воскликнула Изабель, радостным голосом, – мы все с нетерпением будем сегодня вечером ждать с тобой связи! Целую!

К восьми вечера полковник приехал домой, быстро переоделся, принял ванну, и зашел на кухню, чтобы приготовить себе что – то на ужин. Однако из-за отсутствия аппетита, вследствие утомительных часов крайне напряженного дня, выпил лишь чашку чая с молоком, и поднялся к себе в кабинет. Он опустился в свое любимое кресло, включил телевизор, прослушал безо всякого интереса вечерние новости, и переключился на канал Дискавери. Когда часы в гостиной пробили девять, он придвинул к себе поближе ноутбук, застегнул распахнутый халат, и кликнул курсором на зеленую точку в скайпе. В следующую секунду на экране появилась вся его семья почти в полном составе, включая и Долорес с Винсентом на коленях. Каждый из них, громко перебивая другого, пытался поздороваться с ним отдельно, отчаянно жестикулируя при этом руками, и улыбался. Душевное общение с домочадцами длилось более часа, и прервалось только тогда, когда Долорес передала хозяйке дома уже уснувшего у нее на руках малыша, и вежливо откланялась. Вскоре и дети попрощались с отцом, пожелав ему приятных сновидений, оставили его наедине с Изабель, помахали ему руками, и разбрелись по своим спальням. Влюбленная чета еще долго сидела перед экранами своих компьютеров, вглядываясь с любовью и нежностью в глаза друг друга. Они готовы были сидеть целую вечность, наслаждаясь даже молчаливыми взглядами, но время безудержно близилось к полуночи, и им вновь пришлось проститься друг с другом на неопределенное время.

Утром следующего дня, прекрасно выспавшись, и хорошо отдохнув, Джейсон с удовольствием совершил свой пятикилометровый кросс, приготовив себе после душа яичницу с беконом, и уселся у окна на кухне. Полное отсутствие аппетита накануне, и последующий отказ от обеда и ужина, были с лихвой компенсированы им сытным и неторопливым завтраком. Настроение у полковника Коллинза было на подъеме. Улыбка не сходила с его лица даже тогда, когда он провел пальцами по щекам, и вспомнил, что не брился со вчерашнего дня. Вместе с тем он продолжал думать о том, как ему построить свою непростую беседу с Мохаммедом, которая, по его мнению, должна была стать решающей. Он прослушал по телевизору последние новости, не выдавших за прошедший период ничего нового, прочитал шепотом молитву, и глянув перед выходом в зеркало, подмигнул себе с улыбкой, и выехал в Путни, где его дождался Аль Фейсал. Желая сохранить по выработанной привычке пунктуальность даже в этой, казалось бы не имеющей особого значения ситуации, он дождался, пока часы покажут десять, и лишь после этого нажал трижды на кнопку звонка. Мохаммед был совершенно уверен в том, что Джейсон явится к нему точно в обозначенное им самим же время. Едва раздался звонок, он даже не глянул в глазок, чтобы хотя бы выяснить кто стоит там на крыльце, а сразу же широко распахнул дверь, поздоровался с ним за руку, и с присущим арабам почтением к гостю, проводил его напрямиком на кухню. Затем налил ему и себе по кружке ароматного чая, поставил в середине стола блюдо с печеньем, и предложил полковнику Коллинзу разделить с ним свой скромный завтрак. Мохаммед выглядел бодро, и пребывал в это утро в прекрасном расположении духа. Лицо его было гладко выбрито. Вчера еще густые дугообразные брови и пышные усы, закрывавшие верхнюю губу, были аккуратно подстрижены. У него была уже новая короткая прическа, и пахло дорогим одеколоном. После уже имевшей место первой встречи, когда он показался Джейсону жалким и пожилым бродягой, тот заметно преобразился. К тому же, одетый в белую рубашку и строгий серый костюм, Аль Фейсал смотрелся уже гораздо моложе и представительнее.

– Если бы случайно встретил вас, где – нибудь на улице, то ни за что не узнал бы, – произнес он, внимательно оглядев с ног до головы слегка смущенного Мохаммеда.

– Вы знаете, мистер Джейсон, я довольно долго и серьезно думал над вашим предложением, – сказал ираец, глядя в глаза своему собеседнику, – после того, как вы ушли, мне вдруг стало так плохо на душе, что я сел на кухне у настезь открытого окна, выпил семь кружек чая, и выкурил не менее десятка сигарет. Хотя строгие хозяева и предупреждали меня, чтобы не курил в доме, но вчера я впервые сделал себе исключение. Я мучительно размышлял о своей пропавшей семье, о своей неблагодарной, но честной службе самовлюбленному и недалеконвидному диктатору Саддаму, и о своем совершенно неопределенном будущем. В результате, пришел к выводу, что идти мне уже все равно некуда, да и не к кому, и принял обдуманное решение. Я готов к сотрудничеству с вами.

– В таком случае, Мухаммед, нельзя терять времени, дорога каждая минута, – сказал полковник, все тем же дружеским тоном, – наверняка информация о том, что вы каким – то образом связаны с тайной исчезнувшего золота уже гуляет по всей Англии, и скорее всего, на вас попытаются выйти в самые ближайшие дни, если даже не часы. Так что, друг мой, собируйтесь, и поехали со мной. Пора принимать меры по вашей защите!

Спустя полтора часа, машина Джейсона подъехала к двухэтажному дому в северо-западной части Лондона, где по договоренности их должен был ждать Генерал Адамс. Грэг расхаживал по квартире, специально подготовленной для такого случая, и выглядывая время от времени в окно, задумчиво курил свою трубку. Его одолевали сомнения в том, что ираец согласится на их предложение о сотрудничестве, полагая, что при любом удобном случае тот просто растворится где – нибудь в толпе, и заляжет на дно. Однако бросив в очередной раз взгляд на подъезд, он заметил подъехавший к дому знакомый автомобиль, в котором кроме его агента находился еще тот самый человек, чьи психологические данные он только что анализировал. Предположения генерала о сомнительности и неблагонадежности Аль Фейсала отпали сразу, вызвав у него вздох облегчения. Он затушил дымящуюся трубку, вытряхнул из нее в пепельницу остатки табака, положил ее на подоконник, и не дожидаясь звонка, распахнул перед ними дверь.

– Ты опоздал на целых десять минут, приятель, – воскликнул он, веселым голосом, шутливо хлопнув Джейсона по плечу, – давненько такого не бывало. Что случилось, где же тебя так долго носило, и почему заставляешь меня ждать так долго?

– Тебе никак не угодишь, шеф, – возмутился Коллинз, в такой же шутливой манере, – мы мчались сюда на всех парусах. А опоздал я всего на полторы минуты.

– Здравствуйте, мистер Аль Фейсал, рад видеть вас. Как поживаете? – произнес генерал, обратившись уже довольно дружелюбным и мягким тоном к своему гостю, – меня зовут Грегори Адамс, но если угодно, можете величать меня Грэгом.

– День добрый, мистер Адамс, – ответил Мухаммед, с трудом изобразив на взволнованном лице подобие улыбки, – я также рад знакомству с вами.

– В таком случае, друг мой, отпустите дверь, и проходите в комнату, – сказал генерал, не меняя своего добродушного взгляда, – а я пойду на кухню, и сварю вам такой прекрасный кофе, вкус которого наверняка не ощущали даже у себя на родине.

На столе в гостиной стоял большой компьютер, с выведенной на экран обновленной, подробной картой Ирака, сделанной британской службой аэрокосмической разведки. Названия рек, городов и деревень, высвечивающихся на его родном арабском, да еще и с транскрипцией на английском языке, сразу же приковали к себе внимание Аль Фейсала, вызвав у него мрачные воспоминания и душераздирающую тоску. Однако считая неприличным глазеть без разрешения хозяина в чужой гаджет, он отвел взгляд в сторону, поднялся вновь из-за стола, и встал у окна, сцепив за спиной пальцы рук. Вскоре в гостиную вошел и Грэг с полным кофейником в руках. Он разложил салфетки, медленно разлил по чашкам ароматный напиток, и опустился в кресло, рядом с Джейсоном.

– Прошу вас, мистер Аль Фейсал, угощайтесь! Это мой фирменный напиток, и это единственное, что у меня хорошо получается на кухне, – произнес он, с улыбкой, – раз вы здесь, то полагаю излишним спрашивать о том, согласны ли вы сотрудничать с нами?

Чувство некоторой растерянности все еще не покидало Мохаммеда. Он молча переглянулся с Джейсоном, пожал робко плечами, и ответил лишь слабым кивком головы.

– Так вот, дорогой мой друг, если не возражаете, мы сначала обсудим с вами кое – какие вопросы, а затем перейдем непосредственно к товару, который вы имеете честь представлять, – сказал генерал, уставившись на своего собеседника в упор.

– Да какие у меня могут возражения, мистер Адамс, – с трудом выдавил из себя Мухаммед, – в моем положении говорить о них просто верх безрассудства, не так ли?

– Прошу вас, не делать пока преждевременных выводов, а дослушать меня до конца, – продолжил генерал, сохраняя вежливый тон, – вы должны знать, что в случае если подтвердится факт наличия у вас сведений о затерянном во время войны золоте Саддама, то мы обсудим со своим руководством механизм его транспортировки в Великобританию. Однако это не означает, что мы заберем его себе, или выражаясь простым языком, ограбим вашу страну. Отнюдь нет, парень! Мы все едины во мнении, что этот драгоценный металл должен, и будет принадлежать только иракскому народу! Однако учитывая тот факт, что к власти в вашей стране снова пришли не совсем благонадежные и чистоплотные люди, мы предлагаем хранить его пока в одном из наших самых надежных и авторитетных банков, но под вашим именем. Что вы скажете теперь на это, друг мой?

Речь генерала вызвали у Мухаммеда откровенный восторг. Глаза его вдруг сразу же округлились, забегали по орбитам, и казалось, готовы были выскочить вот-вот наружу. Такого внезапного поворота он никак не ожидал, и даже чуть было не потерял дар речи. Однако уже через минуту, справившись со своими эмоциями, он вытер со лба пот, и посмотрел на Грэга глазами явного скептика. Он призадумался, затем перевел взгляд на сидящего рядом Джейсона, которому доверял с некоторых пор больше, и заметив на его лице все ту же невозмутимую искреннюю улыбку, глубоко вздохнул, и молча склонил голову над столом. Мохаммед был до глубины души потрясен событиями, которые разворачивались у него на глазах. Он готов был в этот миг обнимать и целовать этих английских господ, которые проявили уважение не только к нему, простому иракцу, представлявшему из себя жалкое зрелище, но и к его народу, который прозябал на протяжении многих лет в нищете и крайне жестоких, внутренних междоусобицах.

– А как я смогу распоряжаться этим золотом потом, когда оно будет доставлено сюда, в Англию, – спросил он, вдруг тихим голосом, не веря все еще в происходящее.

– До тех пор, пока к власти не придут демократически настроенные, и искренне болеющие за судьбу своей страны патриоты, с кем можно иметь дело, золото будет храниться в нашем банке, – заявил Грэг, придав своему твердому голосу подчеркнутую уверенность, – но работать на будущее вашего народа, кому оно принадлежит по праву.

– Простите, а какую роль вы мне отводите во всем этом, ведь я совершенно не разбираюсь ни в банковских делах, ни в финансах, – спросил снова Мохаммед, слегка помявшись, и вновь смахнув со лба капельки выступившего снова пота.

– Не беспокойтесь, друг мой. Вас быстро всему научат, на то у нас достаточно специалистов, – ответил генерал, долив себе и ему кофе, – а дальше, будете каждый год получать свою процентную ставку от заложенного в банке золота. Но по условиям нашего соглашения, вы обязаны будете приобретать на эту ренту только продукты питания и медикаменты для своего народа, которые будут переправляться к ним под эгидой ООН. Разумеется, за вычетом необходимых расходов на содержание себя и своей семьи.

Мохаммед выпил в два глотка свой все еще горячий кофе, сжал обеими руками пустую чашку, и вновь уставился на Грэга, но уже более спокойными и ясными глазами.

– Что я для этого должен сделать, сэр, – спросил он, все больше и больше проникаясь доверием к своему пожилому собеседнику, – я готов следовать вашему плану.

Глаза Аль Фейсала вдруг заблестели от предвкушения предстоящего триумфа. Он начал судорожно тереть свои усы, растирать щеки и подбородок. Его улыбка стала более искренней и открытой. Он был уже готов на любое предложение сидящего перед ним человека, лишь бы тот не передумал, и не отнял у него этот внезапно свалившийся на него подарок судьбы, о котором не смел мечтать даже во сне.

– Для начала, Мохаммед, я бы хотел, чтобы вы указали на моей карте точное место захоронения того золота, – сказал Грэг, пересев к нему поближе, и увеличив до предела изображение на мониторе компьютера, – надеюсь, здесь для вас все понятно?

Как оказалось, Аль Фейсал хорошо разбирался в картах. В свое время, обучаясь в военной академии, кроме военного дела, английского и русского языков, он достаточно преуспел и в картографии и топографии. Мог безошибочно определить тот или иной географический квадрат, и с легкостью ориентировался на любой местности. Он навел курсор на какую – то точку, увеличил масштаб, и показал на сделанном со спутника снимке ту самую деревню, расположенную в сорока километрах от Багдада

– Вот она, родная, изображена в виде вытянутого сапога, прямо как очертания территории Италии, вы не находите, мистер Адамс, – сказал он, грустным голосом, ткнув пальцем на небольшое поселение, название которого отсутствовало на карте.

– Что – то не вижу под ней никаких обозначений, или хотя бы каких – то букв – произнес с недоумением Грэг, нажав несколько раз на курсор, – как она хоть называется?

– Она довольно древняя, – ответил Мухаммед, задумчиво задрал голову, – начало свое берет еще с первых лет прошлого тысячелетия. Ранее, это была «Аль Шамсия Аль Кариб»,

а в последние годы мы между собой величали ее просто ближней деревней. Но сегодня она целиком лежит в руинах, и назвать ее населенным пунктом, язык не повернется. Так, какое – то мелкое и никому неведомое пятнышко на глобусе. О Аллах, столько лет прошло после войны, а она так и осталась заброшенной, и похоже, никому до нее нет дела. Хотя, если из бывших жителей в ней никого не осталось, то кто будет просить о ее восстановлении? Может быть, эта счастливая участь достанется мне?

Пока Аль Фейсал говорил, Джейсон сидел все это время за столом, молча пил кофе, и не вступал в разговор. Он записывал в свой блокнот каждое его слово, и делал на полях особые пометки. Когда беседа подошла к концу, он закрыл блокнот, зафиксировал в ноутбуке координаты деревни, установив все ведущие к ней подъездные пути, и с точностью до метра вычислил расстояние до ближайшего от нее населенного пункта.

– Вот, что, Мохаммед, – обратился к нему Грэг, встав из-за стола, – пока вам придется пожить здесь. Прошу вас, в целях своей же личной безопасности не выходить хотя бы пару дней из этой квартиры, даже покурить. Дымите лучше здесь. Вы ни с кем не должны связываться по телефону, и забыть на время все свои контакты, которые обрели здесь, в Англии, а также те, которые были у вас ранее. Послезавтра, к десяти вечера, вам позвонит один из наших сотрудников, и скажет, что делать дальше. Вам все ясно?

– Хорошо, мистер Адамс, я сделаю все так, как вы мне велели, – ответил Аль Фейсал, уже вполне бодрым и даже веселым голосом, поднявшись вслед за генералом со стула, – рисковать в моей ситуации было бы полным безрассудством. обещаю, что с этого часа запрусь здесь, и до вашего сигнала ни с кем не буду поддерживать никаких связей.

– Ну, что, ахи* (Брат – араб.), располагайся здесь по своему усмотрению, и отдыхай, пока позволяет время, – произнес Джейсон, едва его шеф вышел за дверь, – продуктов в холодильнике достаточно. Все мясо, что в нем лежит – это Халяль, и куплено в лавке у наших местных мусульман, так что, не бойся готовить себе обед.

Перед выходом полковник вновь напомнил Аль Фейсалу о личной безопасности, памятуя о печальной истории с семьей Егоровых, попрощался с ним за руку, и вышел из квартиры. Однако не успел он спуститься на первый этаж, как вдруг услышал сверху звук открывающейся со скрипом двери, а затем и громкий голос Мохаммеда:

– Мистер Джейсон, прошу вас, задержитесь на секунду, пожалуйста, есть дело!

В тот же миг, он буквально скатился по перилам вниз, и вытянул перед Коллинзом ладони, в которых заблестел внушительный кусок золота с зашлифованными углами.

– Это вам, дорогой мой брат, – произнес иракец, все с той же детской улыбкой, – поверьте, это от чистого сердца, в знак, так сказать, особого к вам уважения.

Джейсон посмотрел на него с улыбкой, взял угловатый блестящий кусок золотого слитка, переложил с одной руки в другую, а затем вытянул слегка вперед на ладони.

– Я думаю, если конечно не ошибаюсь, здесь будет грамм триста, не так ли? – сказал он, серьезным голосом, оценив на вскидку вес драгоценного металла.

– Вы совершенно правы, мистер Джейсон, в нем действительно ровно триста граммов, – ответил Мохаммед, довольный, что угодил человеку, благодаря которому его жизнь менялась на глазах, – должен заметить, что у вас превосходный глазомер.

Полковник посмотрел вновь на блестящий металл с полным равнодушием, повертел его снова в руках, и уставился на радостного Мухаммеда недовольным взглядом.

– Прошу вас, никогда больше этого не делайте, и вообще, забудьте, что у вас есть золото, – сказал он, уже строгим тоном, протянув назад его дорогой подарок, – поверьте, брат, оно сейчас представляет для вас опасность и реальную угрозу для жизни. Если нужны деньги, то скажите, я помогу вам сдать его в банк законным путем.

В глазах Аль Фейсала вновь мелькнула некоторая растерянность, почувствовав неловкость из-за своего опрометчивого поступка. Он поник на секунду головой, пожал плечами, но затем зажал осколок в одной руке, а другую протянул своему благодетелю.

– Спасибо вам за предложение, брат, деньги у меня пока есть, – промолвил он, тихим, виноватым голосом, потупил снова тоскливый взгляд, – а если что понадобится, то обязательно обращусь только к вам, можете не беспокоиться.

Полковник допускал, что те соотечественники, с которыми Мохаммед установил контакты за время своего пребывания в Лондоне, могут снова выйти на него, и предложить способы нелегального сбыта его ценного товара, и это беспокоило его теперь больше всего. Выйдя из дома, он снова позвонил ему с резервного номера.

– Запомните, Мохаммед, никаких контактов со своими прежними друзьями и земляками! – произнес он, услышав в трубке его голос, – держите дверь постоянно запертой, и никому не открывайте ее. Связь только со мной или с Грэгом. Вы все поняли?

– Не переживайте, мистер Джейсон, я хорошо все усвоил, буду строго следовать всем вашим инструкциям, – ответил тот, с чувством искренней благодарности и уважения к благородному англичанину, который вознес его почти до самых небес.

– Ты почему так надолго застрял там, мы же вроде все уже обговорили с ним? Я уже собрался было звонить тебе, – с улыбкой накинута на него Грэг, который стоял с зажатым в руке телефоном у его автомобиля, отправив до этого своего водителя по делам.

– Да вот, хотел купить у Мохаммеда кусок золота, но цена, к сожалению, не устроила, – ответил Коллинз, с такой же шутливой улыбкой, – А между прочим, шеф, наш подопечный только что собирался сделать первый взнос в общее дело.

– Давай же, Джейсон, поехали скорее, а то я уже опаздываю на совещание, – скомандовал Грэг, не реагируя уже на шутки своего агента, – время поджидает!

После того, как генерал вернулся из Управления, где у него проходила встреча с руководством службы по текущим вопросам, обсуждение дел, касающихся золота, решено было прекратить, и офицеры говорили в своем отделе в основном о рутинных задачах.

В начале восьмого вечера, когда уже опустели кабинеты, они отправились на машине полковника в Гайд парк, где присев через полчаса на знакомую скамейку у озера, позволили себе

поразмышлять вслух о своих дальнейших шагах и способах реализации задуманного плана. Грэг рассказал Джейсону о некоторых, никому ранее не известных данных, полученных им еще утром из различных достоверных источников, заставивших обоих в корне изменить свои предварительные наброски по плану. Новая схема требовала особого внимания, предельной осторожности и расчетливости. Любой неправильный шаг, любое необдуманное движение могло привести не только к провалу операции, но и к международному скандалу. Они знали, что американцы давно и официально прекратили поиски золота Саддама. Однако стало известно, что многие высокопоставленные военные чины американской армии, которые участвовали в войне против Ирака, продолжают негласно рыскать через своих агентов по всей стране, пытаясь зацепиться за любую ниточку, ведущую к тому кладу. Для этой цели они разбили всю территорию Ирака на сектора, завербовали довольно большое количество местных жителей, и подкупили даже представителей новой власти. Их наибольшее внимание было сконцентрировано в районе Тикрита и его окрестностях, считавшейся родиной диктатора. Кроме того, параллельно, поисками золотого запаса Саддама были заняты и спецслужбы Израиля, в руках которых оказался бывший сотрудник министерства обороны Ирака. Военный чиновник не знал о точном количестве золота, и где оно захоронено, но лично видел, в каком направлении двигались груженные драгоценным металлом грузовики. По его сведениям золото вывозили из дворца более полусотни грузовиков, которые сопровождались внушительным боевым отрядом, состоящим исключительно из преданных диктатору гвардейцев.

– Я уверен, Грэг, что в таком случае, Моссаду известно о существовании Мохаммеда Аль Фейсала, – заявил Джейсон, выслушав до конца своего шефа, – и наверняка их вездесущие агенты уже идут по его следу. Как бы чего не вышло...

– Да, он успел уже наследить в Лондоне, предлагая по кусочкам свое золото, – произнес генерал, – а что ты предлагаешь, сынок? У тебя появилась новая идея?

– Черт возьми, Грэг, он же держит при себе тот самый телефон, по которому вел здесь переговоры со многими случайными партнерами! – вскрикнул Джейсон, сетуя на свой просчет с явным негодованием в голосе, – а ведь через него не составит особого труда выйти на нужного тебе абонента, и определить его местонахождение.

Внутреннее чувство подсказывало полковнику, что тянуть время нельзя, и надо как можно скорее ехать к своему подопечному, чтобы избежать вполне предсказуемых в дальнейшем событий. Спустя час, он снова припарковал свой автомобиль на противоположной стороне от дома, в котором оставил на конспиративной явке Мохаммеда, поднялся бегом на второй этаж, и нажал на кнопку. Однако на звонок никто не ответил, что вначале даже встревожило полковника. Но когда из квартиры донеслись жалобные арабские мелодии, и на всю площадку запахло мясным отваром и чесночной приправой, волнение отпустило его. Он надавил на кнопку еще раз, и продержал на ней палец до тех пор, пока дверь, наконец, не отворилась.

– Слава Господу, ты дома! – вырвалось у него, громким голосом, увидев перед собой улыбающегося Мохаммеда, – как же ты напугал меня, парень!

– Что – нибудь случилось, брат мой, – спросил тот, явно удивившись столь неожиданному визиту взволнованного полковника, – не надеялся увидеть вас так скоро.

– Где ваш телефон? – спросил Джейсон, прихлопнув за собой дверь, и защелкнув ее тут же на щеколду, – быстро давайте его сюда, все объяснения потом!

Не понимая, что происходит, и чем так сильно обеспокоен его благодетель, Аль Фейсал послушно вынул из кармана трубку, и протянул его на вытянутой ладони.

– А теперь, прошу вас, как можно быстрее напишите мне имена и номера телефонов всех, с кем имели знакомство в Лондоне, и общались с ними по поводу своего товара, – потребовал Коллинз настойчивым тоном, – и не дай господь, что – то забудете!

Догадаться, с чем связаны поспешные действия его гостя, для Мухаммеда, не раз имевшего отношение к подобным ситуациям, было уже несложно. Он взял свой телефон снова в руки, и принялся быстро выписывать из него контактные данные всех своих знакомых в Лондоне. Когда процесс был завершен, он вновь протянул гаджет Джейсону, который тут же вынул из него батарейку, а затем сжег над пламенем свечи и его плату.

– Если вас не поставили на контроль до этого момента, то опасаться не следует, – произнес он, глядя на растерянного Мохаммеда, – но если они все же успели это сделать раньше, то угроза вашей безопасности довольно высока. Надеюсь, понимаете, о чем речь?

Видя, как постоялец их конспиративной явки расстроился, полковник тут же успокоил его, сказав, что пока это только его догадки. Но тем не менее, еще раз напомнил иракцу о том, что бдительность ему теперь необходима всегда и во всем. Затем достал из кейса новый телефон с резервным номером, и положил его перед ним на стол.

– Вся связь только через него, и только со мной, – сказал он, строгим, не терпящим возражения голосом, – и ни в коем случае не вбивайте сюда новых номеров!

Мухаммед вскоре заметно успокоился, уговорил Джейсона отведать его угощение, и вновь пригласил его за стол. Несмотря на его возражения, он положил перед ним большой кусок говядины, поставил рядом плошку отваренного риса и тарелку с салатом.

Со времен своих командировок в Египет, Ливан, Иорданию и другие арабские страны, Коллинз прекрасно помнил, что отказ от предложенного угощения в доме араба, мог вызвать у того серьезную обиду, и не стал из вежливости долго сопротивляться.

После аппетитного и сытного ужина, он выпил чашку крепкого чая, и в течение еще полчаса увлеченно беседовал с ним о его пропавшей семье, о ценностях жизни, и международной политике. В ходе беседы он выяснил еще ряд существенных деталей относительно золотого клада, которые помогли ему в дальнейшем в составлении

плана по его транспортировке в Лондон. Мохаммед оказался на редкость интеллигентным, порядочным и добродушным человеком. В нем не было ни алчности, ни злобы, ни обиды. Все, что произошло с ним, с его семьей, а также то, что творится в беспокойном мире, он воспринимал, как нечто предопределенное свыше, ниспосланное Всевышним Аллахом. Даже войну в своей стране он считал великим и заслуженным испытанием, которое должно было очистить его несчастный народ от накопившейся за долгие годы скверны, лжи и раболепия. Рассказывая о своих родителях, жене, и каждом из пятерых детей, он с грустным лицом опускал голову, а в глазах его выступали слезы.

– Даже моей младшей Райяне уже исполнилось пятнадцать лет, а я до сих пор ничего о них не знаю, – говорил он, с болью в душе, всхлипывая при каждом вздохе, – но я уверен, что они все живы и здоровы, и находятся где – то на территории Ирака. Я искал их всегда и везде, никогда не терял надежды найти, и не сомневаюсь в том, что рано или поздно обна-

ружу их где – нибудь в забытом уголке своей страны. Вести на родине поиски своей семьи в открытую я не мог, поскольку новые власти могли схватить меня, и казнить без суда и следствия. Они не простили бы мне службы во дворце Саддама, считая, что я исполнял его гнусные приказы, и был его приспешником. Хотя, какое я имел к нему отношение, я следовал лишь действующему для всех уставу, и никогда не принимал участия в каких – либо антинародных акциях. Знаю, что если меня обнаружат на территории Ирака, то судьба моя будет предрешена, и поэтому я здесь, дорогой мой друг. Не менее волнующей для меня является и судьба своей страны, честному и беззаветному служению которой я посвятил лучшие годы своей жизни. В той скоротечной и жестокой войне 2003 года, я готов был сражаться до последнего патрона. Но предательство заранее подкупленных высокопоставленных армейских чинов из окружения Саддама, решили исход военных действий в пользу агрессоров. Спустя уже несколько дней после начала войны, стало очевидно, что сопротивляться уже не имеет никакого смысла. И весь начальствующий состав армии диктатора стал спасать свою жизнь и жизнь своих родных и близких людей бегством, не забыв прихватить при этом и все свое добро.

Многое из того, что Мухаммед рассказывал ему, было известно полковнику не понаслышке, но он слушал его терпеливо и внимательно. Наконец, когда в грустном повествовании собеседника появилась пауза, он поблагодарил его за отменный ужин, пожелал ему доброй ночи, и попросив запереть за собой дверь, отправился домой.

Когда он въехал к себе во двор, шел уже двенадцатый час ночи. Не желая тревожить в столь позднее время своих родных в далеком Аяччо, он набрал в телефоне короткий текст: «я очень люблю тебя, милая!», и отправил сообщение своей прекрасной Изабель.

Наутро, когда еще не было шести, он совершил пробежку по окрестностям своего городка, позанимался на тренажерах, понежился с полчаса в ванне, и сел завтракать. Мысли полковника были уже заняты планом по вывозу золота из Ирака. Он перебирал в голове всевозможные варианты, строил самые различные схемы, мысленно переносился в ту самую деревушку Аль Шамсия, и снова подсчитывал метры и километры от пункта до пункта. Однако ничего путного на ум не приходило. Скрытно вывезти драгоценный металл, да еще в таком большом количестве, было делом не совсем надежным и даже опасным. Вдруг, он обратил внимание на рекламный вкладыш, который вынул из своего почтового ящика вместе с газетами и журналами. «Мы можем построить для вас любой объект, даже в пустыне!», было написано на нем. Джейсон развернул агитку, и на его обратной странице прочитал, что некая строительная фирма готова реализовать под гарантии банка самый немыслимый строительный проект, в предложенной заказчиком точке планеты. Тут же прилагались красочные фотографии возведенных ими в различных странах и континентах фабрик, комбинатов, жилых домов, и прочих строек. Полковника внезапно осенила мысль, которая вызвала у него довольную улыбку. Он убрал вкладыш в кейс, поднялся в свой кабинет, и включил компьютер. Затем набрал соответствующий текст, вывел на экран новую подробную карту Ирака, и нашел в сорока километрах к югу от Багдада ту самую деревушку. Ее руины находились на расстоянии почти пяти километров с левой стороны от дороги, ведущей к Эль-Латифия, небольшого города в центральной части Ирака, расположенного на территории мухафазы Бабиль, на площади так называемого иракского «Треугольника смерти» («Triangle of Death»). Джейсон тут же сделал распечатку, сменил домашний халат на выходной костюм, и отправился на службу.

В кабинете у Грэга, он вынул из кейса карту местности с указанием того загадочного поселения, вместе с рекламным вкладышем, и положил их на стол перед своим шефом.

– Что, полковник, у тебя появился вариант с золотом? – спросил генерал, подняв воспаленные от недосыпа глаза, – неужели раскопал, что – то новое?

– Да, шеф, есть один способ! – ответил Джейсон, шепнув ему что – то на ухо.

– А ты знаешь, парень, в этом действительно есть определенный резон, – сказал Грэг, услышав всего несколько слов об идее своего питомца, – что ж, давай попробуем.

Глава особого отдела нацепил на нос очки, вновь внимательно прошелся по карте, а потом уставился задумчивым взглядом на броский, красочный рекламный вкладыш. Вариант обсуждали не долго. Его реализация напрашивалась сама собой.

– Для начала надо согласовать свой план с нашим руководством, – отметил он, подняв вверх указательный палец, – уверен, оно несомненно одобрит его. В случае непредвиденных обстоятельств, нам ведь понадобится официальная поддержка правительства, или в крайнем случае, ссылка на какой –нибудь особый случай?

Не раздумывая долго, Грэг взял с собой карту с вкладышем, и направился к одному из заместителей директора секретной службы, чтобы обсудить с ним возникшую идею. Он вернулся только через час, и был явно расстроен итогом своей беседы с шефом.

– Ни за что не хотят отвечать! – пробормотал он, резким, недовольным голосом, небрежно бросив папку на стол, и включив телевизор, – все жаждут только успешных результатов, великой славы, пышных торжеств во дворцах и как можно больше привилегий. Но никто при этом не готов принять ответственного решения! У них всегда одни отговорки: то мир у нас изменился, став невероятно сложным и запутанным, то не дай бог перегнуть где –нибудь палку, чтобы не обидеть какого –нибудь высокопоставленного чинушу или дипломата. А между тем, никто из них не замечает, что уже несколько десятков различных спецслужб свили себе в Англии уютные гнездышки, и даже ведут между собой тихие войны, разбив страну на зоны влияния. Да сколько же все это будет продолжаться, черт бы вас всех побрал, моллюски неповоротливые!

Его одолевало жгучее желание выплеснуть весь свой гнев наружу, несмотря на то, что кабинет его с некоторых пор вновь прослушивается внутренней безопасностью. Но немного успокоившись, тряхнул головой, и глазами указал своему агенту на дверь.

– Пойдем, полковник, подышим свежим воздухом, что ли, – произнес он, вялым голосом, легонько подтолкнув того в спину, – выпьем по чашке кофе, а потом продолжим свои дела, а то чувствую, что уже засыпаю, и боюсь, не досижу до конца дня.

Когда они вышли на улицу, Грэг предложил пригласить на встречу одного из директоров банка, которому они помогли в свое время вернуть украденные деньги, и обсудить с ним свою идею. Джейсон охотно согласился, и не откладывая решение вопроса в долгий ящик, позвонил в ту же минуту банкиру, который после его триумфальной победы над профессиональными хакерами из Гонконга, настойчиво предлагал ему содействие и помощь в любом проекте. Финансист Ричардс остался верен своему слову, и услышав, что требуется его участие в серьезном деле, сразу же отозвался. Встреча состоялась в одном из ресторанов Лондона, где они уединились за отдельным столиком, и подробно обсудили предложение. Ричардс внимательно выслушал сотрудников секретной службы, оказавших когда – то неоценимую услугу не только его банку, но и ему лично, и не стал долго размышлять над поставленным перед ним вопросом.

– Я могу предоставить вам гарантию нашего банка в пределах до ста миллионов фунтов стерлингов, без согласования со своим правлением, – заявил он, уверенным голосом, – и если эта сумма вас устраивает, то я готов завтра же подготовить все необходимые для подписания документы. В случае если требуемая сумма превышает мой личный лимит, то согласование займет дня два – три, но не более. Устраивает вас такое?

К плану сотрудников особого отдела банкир отнесся крайне скептически, и не почувствовал в обсуждаемом мероприятии даже малейшего шанса на успех. Однако верный слову истинного джентльмена, он без колебаний и лишних вопросов принял условия их проекта, и подтвердил свою готовность к принятию решительных действий.

Начало многоходовой операции было положено. Офицеры поблагодарили Ричардса за деятельное участие в столь рискованном деле, проводили его до лифта, после чего, связались по телефону со строительной компанией, о которой уже знали практически все. Ее руководителем оказался отставной майор криминальной полиции по имени Келвин Уайт. После выхода на пенсию, он основал с нуля свою строительную фирму, и за сравнительно короткий период времени закрепил ее на тесном рынке стройиндустрии. Его фирма имела довольно обширные контакты по всему миру, и пользовалась заслуженной репутацией и авторитетом. О ее успехах свидетельствовали многочисленные контракты на десятки миллионов фунтов, и положительные отзывы всех без исключения заказчиков.

При встрече с Уайтом, Грэг не стал утаивать истинную цель своих планов по строительству предполагаемого объекта, за которым скрывался проект совершенно иного назначения, нежели обычного зарабатывания денег и извлечения из него прибыли. Он строго предупредил Келвина о неразглашении сведений составляющих государственную тайну, и посвятил его в план разработанной им операции. Когда тот услышал, что объект предстоит возводить на территории Ирака, его несколько не смутил сей факт, однако упоминание об огромном количестве скрытого под землей золота, которое предстояло вывезти, заставило его серьезно задуматься. Он уже стал оценивать ситуацию не как бизнесмен, нацеленный на получение прибыли из любой сделки, а как патриот, которому надлежало внести свой весомый вклад в защиту интересов Короны.

– Значит, любой объект, который нам предстоит возвести там, является просто фикцией? – спросил он, глядя пристальным взглядом и почти в упор то на Грэга, то на Джейсона, – а стало быть, мне придется закрыть глаза на все существующие правила?

Офицеры переглянулись между собой, и молча кивнули отставному полицейскому. Келвин пожал сначала плечами, задумавшись вновь на некоторое время, но потом решительно махнул рукой. К тому же, бывший майор заявил, что располагает тесными связями в министерстве строительства Ирака, которые позволят ему без бюрократических проволочек и ненужных временных затрат, немедленно приступить к порученному делу.

– С объектом у нас не будет проблем, но как, и под каким предлогом вы собираетесь вывезти оттуда столько золота? – спросил он, недоуменно, не выпуская из рук карты, и продолжая разглядывать ее уже через лупу, – да, ребята, задача очень сложная.

Опытный полисмен долго водил по ней глазами, то отдалял ее, то приближал снова, и мотал головой. Он прекрасно понимал, что как только информация о золоте выйдет за пределы объекта, неизбежно начнется бойня, выйти живым из которой не удастся практически никому. Риск был очевидным. Наконец, отложив карту в сторону, Келвин вырвал из блокнота

листочек, написал на нем свои дополнительные телефонные номера, которые не значились в его визитке, домашний адрес, и протянул его генералу Адамсу.

– Здесь два моих скрытых от посторонних глаз и ушей координаты, о которых знает только жена, – сказал он, с серьезным видом, – так, на всякий случай, мало ли что. А сегодня вечером я буду разговаривать с министром строительства Ирака, и предложу ему небольшой завод по производству стройматериалов. Я уверен, что человек с такими амбициями и жадой денег, с удовольствием примет его, и поддержит!

И все же, перед тем как расстаться, Уайт сказал, что желательно сначала дождаться результатов его беседы с иракским министром, а уж потом принимать окончательное решение. Видя, что возражений с их стороны не последовало, он пожал Адамсу и Коллинзу руку, пожелал им доброго дня, и вежливо откланялся.

На следующий день, без четверти час дня, офицеры снова приехали к нему в офис. Келвин успел к тому времени договориться с иракским министром, который с нескрываемой радостью принял его предложение, сулившее чиновнику солидную выгоду. Он оперативно подготовил всю необходимую документацию под строительство завода, и сидел в своем кабинете, тщательно подбирая персонал, которому мог бы довериться с полной отдачей в столь опасном и деликатном проекте. Как человек, который долгие годы прослужил в криминальной полиции, Уайт обладал прекрасной памятью, эрудицией, аналитическим складом ума и безупречным знанием психологии. И умел разумно и спокойно действовать в любой ситуации. Для него не существовало мелочей, и ко всему, что имело отношение к делу, относился с присущей ему деловой и профессиональной щепетильностью. Он вкратце объяснил свои соображения по проекту, а затем в деталях рассказал о поэтапных действиях в предлагаемой схеме. В заключение, Келвин счел необходимым отметить, что его персоналу, которому предстоит работать в Ираке, понадобится надежная охрана, и желательно, из числа сотрудников спецслужб. Предложение бывшего полисмана было принято почти целиком, но за одним только исключением. Грэг не мог допустить и мысли о том, что строительные бригады будут посвящены в истинные цели запланированного мероприятия, и категорически возразил против любого информирования работников компании о драгоценном металле.

– Я думаю, мистер Уайт, что мы придадим вам отдельную бригаду, составленную из сотрудников секретной службы, которые будут заниматься исключительно охраной ваших людей, и разумеется самым золотом, – сказал он, пожав ему руку, и заметив на его лице довольную улыбку, поставил в беседе жирную точку:

– Все, господа, план утверждаю! Да поможет нам всем Бог!

В следующую минуту генерал позвонил банкиру, и попросил его принять у себя Келвина Уайта для подписания оговоренного с ним накануне контракта о предоставлении гарантии банка. Ричардс уже ждал звонка шефа особого отдела. Он еще с утра подготовил все необходимые документы, и сидел с тех пор за своим рабочим столом, поглядывая время от времени на часы. В составленную им банковскую гарантию, оставалось внести только сумму, название организации получателя и имя подписанта.

– Нет вопросов, генерал Адамс, – ответил он, обрадовавшись долгожданному звонку, – у меня все готово. Пусть подъезжает, встречу его, как подобает.

– Ну, что ж, ребята, поздравляю вас с началом операции века, – сказал Грэг, пожав сначала руку Келвину, а затем своему агенту Коллинзу, – а вас, господин Уайт, – добавил он, блеснув улыбкой, – я искренне благодарю за сотрудничество.

Вплоть до самого вечера, офицеры были заняты только одним делом – подбором сотрудников для создания отдельной бригады из числа своих лучших агентов.

К концу дня, когда служебные кабинеты стали пустеть, они составили список, в который вошли двенадцать человек наиболее подготовленных профессионалов со знанием, кроме всего прочего, и строительного дела, строго необходимого в подобной операции.

– Все, Джейсон, на сегодня, пожалуй, достаточно, – произнес Грэг, выключив компьютер, – завтра с утра вызовем их к себе, и проведем подробный инструктаж.

Почти все сотрудники, которые вошли в список, служили в управлении, которое курировало Ближний Восток и Северную Африку. Они прекрасно владели многими видами единоборств и всеми видами оружия, знали арабский язык, были хорошо знакомы с психологией и менталитетом арабов, и за время своей службы не раз побывали в Ираке.

И самое главное: каждый из этих профессиональных разведчиков был твердо верен своему долгу перед отечеством, и беззаветно предан Королеве и народу Великобритании.

– Едем ко мне, сынок, надо отметить этот день, – сказал Грэг, причмокнув, и проведя рукой по животу, – насколько мне стало известно из ее сообщения, Лайза приготовила нам прекрасную запеченную свинину с томатами и баклажанами.

Проведя весь день в разъездах, переговорах, беседах и непростых размышлениях над крайне сложной задачей, которую поставило перед ним руководство, офицеры были лишены даже обеда, и выглядели явно голодными и изрядно утомленными.

– А я бы не отказался сейчас и от бокала виски, – произнес Джейсон, вопросительно посмотрев на своего шефа, – надо же хоть как – то расслабиться.

– Нет, парень, сегодня мы выпьем только по бокалу пива, – возразил Грэг, покачав головой, – надо хорошо выспаться, и отдохнуть. Завтра нам предстоит не менее напряженный день. А после работы можем позволить себе все, что угодно.

Генерал знал, что Джейсон очень скучает по своей семье, и намерен был отпустить его на Корсику сразу же после того, как начнется отгрузка строительного оборудования в Ирак. Он и сам был не прочь полететь в Аяччо вместе с Лайзой, и отдохнуть там хотя бы несколько дней. Однако стремительно развивающиеся вокруг события, требовали его постоянного присутствия в Лондоне, и не могли ему этого позволить. С заоблачными мечтами и нереальными планами ему пришлось пока повременить, но он втайне рассчитывал на то, что такой шанс у него обязательно появится, и довольно скоро.

Лайза приветливо встретила мужчин у порога. Быстро накрыла в беседке стол. Расставила повсюду большие ароматные свечи. Включила тихую классическую музыку. А когда те переоделись и привели себя в порядок, пригласила на вечернюю трапезу. Запеченная свинина стала вскоре таять на глазах у восхищенной их аппетитом женщины. После сытного ужина Джейсон отказался от чая, оставил супругов Адамс наедине друг с другом, и вышел на тихую безлюдную улицу, чтобы немного прогуляться перед сном. Его одолевало жгучее желание

услышать в этот момент невероятно мелодичный, льющийся словно трель соловья голос своей молодой супругой, по которой уже невыносимо скучал.

– Добрый вечер, любимая, – произнес он, шепотом, едва услышал в трубке ее выразительную фразу: «алло, я вся во внимании, сэр», – как ты там, наверняка тяжело даются обязанности мамы четверых детей?

– Здравствуй, милый мой Джейсон, – воскликнула Изабель, не дав ему даже договорить, – у нас все в ажуре, изменений пока никаких нет, если не считать того, что твой младший сын, Винсент, не выпускает из рук фотографии, на которой ты изображен вместе с Мэри и Роуз. Он с нею ложится, зажав в руке, с нею встает, и всегда тычет своими пальчиками на твое лицо, повторяя одно и то же слово: «паппа!». И не дай боже, попытаешься забрать ее у него. Сразу же поднимает такой визг, что уши закладывает. А обязанности мамы мне даются очень легко, хотя мамой меня называют пока только Антуан и Винсент. Но скажу тебе по секрету, что накануне, когда я переложила малыша из коляски в кроватку, переделась в ночную рубашку, и только расправила подушки, как тихо отворилась дверь, и на пороге нашей спальни вдруг неожиданно появились в своих цветастых пижамах Мэри и Роуз. Я сначала даже опешила, думала, может у них что случилось, может понадобилась моя помощь. Но затем, смотрю, они робко переглянулись между собой, как – то смущенно заулыбались, а потом юркнули ко мне в постель, оставив в середине место, чтобы я легла между ними. Господи, ты не представляешь, милый, что я испытала минувшей ночью! Девочки обняли меня с обеих сторон, поцеловали в щечки, положили головы мне на грудь, и так сладко заснули, что я до самого утра не посмела даже пошевелиться. Я с невероятным трепетом слушала их тихое сопение. Ощущала их молочный запах. Легонько сдувала их спадающие на глаза челки. И казалось, дышала через раз, боясь потревожить их безмятежный сон.

– Что ж, родная моя, я очень рад, что вы так хорошо ладите друг с дружкой, – сказал Джейсон, тихо рассмеявшись в трубку, – не сомневаюсь, что и они назовут тебя скоро мамой, и будут делиться с тобой самым сокровенным. А как там поживает наш Антуан, что говорят его врачи, есть ли какие –нибудь сдвиги в его лечении?

– Да, милый, с девочками у меня полный контакт, – произнесла Изабель с каким – то придыханием, – они уже рассказывают мне обо всем, что творится в их нежных хрупких душах, и ничего не утаивают. Ты представляешь, я недавно водила Антуана к доктору, чтобы узнать о результатах проведенных до этого анализов, и меня искренне заверили, что болезнь мальчика уже окончательно отступила! Господи, какое счастье! Вот бы обрадовалась сейчас Каролина! Она так долго этого ждала, столько лет надеялась на его исцеление! Думаю, ей и на том свете станет об этом известно, не правда ли?

– Спасибо тебе, Изабель, за эту прекрасную новость, – воскликнул Джейсон, вдруг резко перейдя на громкий голос от охватившей его в этот момент радости, – да и вообще, спасибо тебе за все, что ты делаешь с такой любовью, лаской и неумной энергией, невзирая на эти тяготы, которые выпали на твою долю. Я очень люблю тебя!

После трогательной беседы с супругой, Джейсон прогулялся около часа по кругу, просидел затем более двух часов в беседке, с умилением листая в телефоне альбом со снимками членов своей семьи, и отправился спать лишь к половине третьего ночи.

Следующий день выдался пасмурным и дождливым. Неслышно было обычного пения птиц. Небо полностью заволочло низко свисающими темными и грозными тучами. Усиливающийся с каждой минутой северный ветер, беспощадно гнул вековые деревья, срывал с них сухие ветки, и грозно метал их молниями в разные стороны. Температура воздуха, казалось, была не выше пяти градусов. Создавалось устойчивое впечатление, что резко сменилось время года, и неожиданно наступила вдруг поздняя осень.

Грэг вызвал своего водителя к семи утра, чтобы встретиться пораньше с одним из руководителей своей конторы для обсуждения некоторых нюансов предстоящей операции. Он не стал будить поздно заснувшего Джейсона, и неторопливо позавтракав на кухне с Лайзой, тихо запер за собой дверь, и выехал со своей супругой на службу. Коллинз проснулся в это утро часом позже. Он спокойно понежился в ванной, тщательно выбрил лицо, выпил чашку крепкого кофе, и прихватив свой кейс, отправился в Лондон.

Когда он вошел в кабинет к генералу, тот уже собрал у себя всех сотрудников, которые вошли в его список, и проводил с ними разъяснительную беседу. Коллинз молча кивнул в его сторону, присел на стул у самой двери, и стал прислушиваться к его речи. Грэг не ошибся в своем выборе. Каждый из приглашенных им кандидатов на спецкомандировку в Ирак, отнесся с пониманием к возлагаемой на него миссии. Никто из не стал даже задавать вопросов. Они терпеливо слушали своего опытного наставника, который слыл среди сотрудников легендой, и был для них непререкаемым авторитетом. Когда инструктаж подошел к концу, Грэг нажал на кнопку, пригласил в кабинет ожидавшего в соседнем помещении Келвина Уайта, и познакомил его с агентами, с которыми тому предстояла совместная работа в беспокойном и непредсказуемом Ираке.

– Мистер Уайт, теперь вы можете забрать моих ребят, и отправиться к себе, – сказал он, дождавшись пока они обменяются рукопожатиями, – на все про все у вас ровно одни сутки, господа! За это время вы должны, как можно ближе познакомиться друг с другом, и обязаны обращаться друг к другу только по имени. Надеюсь, все понятно?

Разумеется, о подлинных именах и биографиях агентов Келвин ничего не знал, и принимал сказанное генералом, как должное. Получив соответствующие указания, он пожал ему руку, и молча покинул кабинет вместе со своей новой бригадой строителей. Джейсон сразу же пересел в кресло напротив своего шефа, и уставился на него с улыбкой.

– Чего это вы, так рано уехали с Лайзой, даже не дождавшись меня? – спросил он, веселым голосом, поправив по привычке свой галстук, – в чем же была такая спешка?

– Да как же можно было будить тебя, когда я слышал твои шаги в коридоре еще в половине третьего ночи, – сказал Грэг, рассмеявшись, – Ну да ладно, с этим проехали. А теперь, давай о более серьезном. Дело в том, что завтра вечером в Ирак отправляются первые четыре бригады строителей, в том числе и наши ребята, и как ты понимаешь, времени у нас уже нет. Келвин обо всем уже договорился со своим иракским министром, а сегодня, после обеда получит всю требуемую для этого дела документацию. Старт уже дан, дружище. Если все пройдет успешно, то наши имена навечно впишут в анналы истории, а сами будем почивать до конца своих дней на лаврах, как герои. Но если, не дай господь, произойдет сбой, и мы потерпим фиаско, то судьба наша будет незавидной, и помочь нам будет уже некому. Никто не посмотрит на наши прежние заслуги.

Генерал вдруг замолчал, и уставился с грустью в глазах в окно. Он прекрасно понимал, что не в состоянии предусмотреть все детали предстоящей сложной операции, в силу многих обстоятельств. В первую очередь он опасался политической нестабильности в Ираке, и постоянной ротации кадров в правительстве этой страны. Грэг допускал, что в случае внезапной отставки действующего министра строительства, на его место может придти человек, договориться с которым станет невозможным, и весь их уникальный проект тут же провалится. Кроме того, его смущали многочисленные группы неконтролируемых действующим правительством вооруженных бродяг, которые со слов одного из местных агентов рыщут по всей стране, совершая крайне агрессивные налеты на иностранные организации. Он не скидывал со счетов и тот факт, что агенты ЦРУ и Моссада продолжают все еще вести поиски золотого клада Саддама. Наверняка они внедрились своих людей в эти бандитские формирования, полагал генерал, постукивая карандашом по столу, и пытаясь взвесить все имеющиеся у них шансы на успех. Удрученный сложными размышлениями над рискованной операцией, он безотрывно и сосредоточенно разглядывал карту, и продолжал молчать. Наконец, он поднялся медленно из-за стола, закурил свою трубку, пустил густые клубы дыма, и встал спиной к окну.

Грэг выглядел явно взволнованным, и казалось, его одолевают мучительные сомнения.

– Пойдем, выпьем кофе, что ли, а то я начинаю уже зевать, – обратился он к полковнику, положив погасшую трубку в пепельницу, – продолжим немного позже.

Тот быстро вскочил с места, сдвинул кресло поближе к столу, и последовал за своим шефом. Войдя в кафе, они заняли, как обычно, самый дальний от входа столик, заказали себе по чашке кофе с пирожными, и вернулись к прерванной беседе.

– Даже если никто не посягнет на наш проект, и все пройдет гладко, – сказал Грэг, сделав глоток из своей чашки, – я не могу до сих пор определиться со способом вывоза золота. А это, пожалуй, самое слабое звено во всей нашей операции, сынок.

Он сделал еще глоток кофе, медленно отставил в сторону чашку, и посмотрел на своего собеседника, который был в этот день необычно молчалив. Джейсон не знал, что ответить генералу. Ситуация, в которой они оказались, действительно была сложной, и выглядела на первый взгляд почти неразрешимой. Он пожал слегка плечами, уставился задумчивым взглядом в окно, а потом повернулся к своему шефу, и расплылся в улыбке.

– А что если нам переплавить это золото там же, на месте, облечь в форму каких –нибудь строительных материалов, и вывозить его оттуда в виде продукции, небольшими партиями, – предложил он, желая внести в создавшемся тупике хоть какую – то идею.

Грэг сначала усмехнулся, но затем, задумавшись на минуту, вдруг резко просиял.

– А ведь действительно, это настолько наивно, что вполне может сработать, – ответил он, и позвонив тут же Уайту, попросил его немедленно подъехать к нему в отдел.

Келвин находился в это время в компании своей новой бригады, составленной из одних секретных агентов. Следуя строгим указаниям именитого генерала, он вел с ними дополнительные беседы, стараясь устранить имеющиеся в отношениях определенные шероховатости. На просьбу шефа особого отдела он откликнулся в ту же минуту, и предложив ребятам перекурить на время своего отсутствия, явился через час к Грэгу. Идея с переплавкой золота

не совсем понравилась ему, однако учитывая, что на данный момент не существует иных способов его безопасного вывоза, вынужден был с нею согласиться.

В девять тридцать утра следующего дня четыре бригады строителей во главе с Келвином Уайтом вылетели charterным рейсом в Багдад. А в семь вечера их лично встретил сам министр строительства Ирака, Мохаммед Салем. Высокопоставленный чиновник приказал разместить всех его работников в Багдад Отеле, а сам увез будущего компаньона в свою загородную резиденцию для обсуждения условий совместного бизнеса. Во время переговоров Келвин попросил министра выделить ему участок в пределах до сорока километров от Багдада, и площадью не менее четырех квадратных километров. Мохаммед Салем сразу же потребовал от своего помощника карту окрестностей столицы Ирака положил ее на стол, и аккуратно развернул.

– Выбирай, мистер Уайт! – бросил он, бравирующим тоном, с готовностью предоставить своему давнему английскому приятелю все, что тот пожелает, лишь бы строительство предложенного ему объекта началось, как можно скорее.

Бывший полисмен, а с некоторых пор и агент особого отдела, долго водил пальцем по истрепанной карте, переходя от одного населенного пункта к другому, и наконец, ткнул пальцем на ту самую деревушку Аль Шамсия, о которой уже знал практически все.

– А что у вас находится здесь, господин Мохаммед Салем, – спросил он, повернувшись к тому с задумчивым лицом, – что это за безымянное поселение?

– Да, ничего особенного, – ответил министр, с каким – то безразличным видом, – всего лишь разрушенная во время войны деревня, которая лежит до сих пор в руинах.

– Прекрасное расположение, – воскликнул Келвин, словно обнаружив то, в чем по-настоящему нуждался, – если на этом участке имеется еще и хорошая глина, то думаю, что лучшего места для нашего объекта и не сыскать. Считаю, что он подходит нам, сэр.

Министр сразу же позвонил одному из своих специалистов по земельным отношениям, знающего толк не только о составе грунта, но и владеющего информацией по истории указанной Келвином местности, и вскоре получил исчерпывающий ответ.

– В свое время, мистер Уайт, на той самой территории, о которой мы ведем речь, жители нескольких окрестных деревень, которых к сожалению давно уже нет в живых, занимались гончарным ремеслом, – стал рассказывать Мухаммед Салем, горделивым тоном, – их изделия славились на всю страну, и даже вывозились за ее пределы, оказываясь зачастую даже в Индии и Китае.

Вся история того края была хорошо известна Келвину, и он прекрасно владел сведениями о составе его почвы. Задолго до встречи с министром, он вкрадчиво изучил все, что могло бы иметь отношение к его строго засекреченной миссии. Однако когда его новый компаньон стал рассказывать об этом снова, даже не повел и ухом, сделав вид, что слышит об этом впервые. С этого момента и началась ловкая манипуляция бывшего полицейского наивным сознанием и алчным настроением своего нового бизнес партнера.

После насыщенного и богатого на различные яства и деликатесы ужина, Келвин поднялся из-за стола, и несмотря на настойчивые просьбы министра остаться у него на ночь в резиден-

ции, решил вернуться в отель к своим бригадам, отказавшись от роскошных апартаментов, которых не всегда встретишь даже в пятизвездочных отелях.

В это время Грэг и Джейсон, сидели в беседке за чашкой чая, и ждали от Уайта вестей. Часы уже показывали полночь, но телефон молчал, вызывая у офицеров волнение. Наконец, решив прогуляться по улице, и немного размять свои мышцы, они вышли на улицу, но едва сделали с десяток шагов, как раздался долгожданный звонок телефона.

– Доброй ночи, господин генерал, – прозвучал довольный голос Келвина, – прошу простить, что заставил вас так долго ждать. Но навязчивое гостеприимство министра вынудило меня задержаться допоздна в его резиденции. Спешу сообщить, что план ваш сработал, и завтра, с самого утра, мы вместе с Мухаммедом Салемом и его специалистами должны выехать в район той самой безымянной деревушки, о которой мы так долго говорили. Так что, искренне поздравляю вас с почином!

– Рад слышать, что у вас все в порядке, Уайт, – произнес Грэг с улыбкой, – Господи, если бы и дальше у нас все пошло также гладко! Одним словом, продолжайте работать, и докладывайте мне о своих результатах каждый день, и не важно в какое время!

После разговора с Келвином настроение генерала заметно улучшилось. Шея его вдруг резко вытянулась. В глазах появился настоящий огонек. Он вновь предложил своему питомцу прогуляться, но заметив, как тот зевнул, проводил его обратно в дом.

Несмотря на давящую усталость, Джейсон долго ворочался в своей постели, и никак не мог уснуть, думая о любимой Изабел, мысленно представляя себе ее неотразимый образ, и тоскуя по ее выразительному взгляду и прекрасному божественному телу.

Весь последующий день, вплоть до самого вечера прошел у Адамса и Коллинза в обычной рутинной обстановке, и ничем особенным не отложился в памяти офицеров. Солнце уже скрылось за горизонтом, погрузив город в сумеречное состояние, когда на телефон генерала поступил звонок от Келвина. Он доложил, что совместный выезд с министром на место возведения объекта состоялся, и его бригады уже приступили к разметке участка. Кроме того, руководитель проекта заявил, что уже дал указание своей компании на отгрузку оборудования и техники к месту строительства. Затем, перейдя вдруг на шепот, Уайт сообщил, что только что обнаружил тот самый, установленный Мухаммедом ориентир, и отдельная бригада из сотрудников особого отдела готовится вскрыть под покровом ночи замурованную нору, и подтвердить наличие в ней золота.

– Мистер Уайт, прошу вас, как только ребята найдут металл, немедленно свяжитесь со мной, – сказал генерал, строгим тоном, – пользуйтесь только закрытым каналом, который я вам предоставил, и держите теперь ухо остро!

До последнего момента Грэг пребывал все еще в сомнениях, что Мухаммед сказал правду об этом кладе, хотя иракский беженец и внушал ему доверия не только своей внешностью, но и искренностью в глазах и неподдельной уверенностью в голосе. Однако услышав, что обнаружен тот самый ориентир, о котором тот говорил, все его подозрения были начисто развеяны. И теперь оставалось только терпеливо ждать формального подтверждения наличия в замурованной норе того самого золотого запаса Саддама. Настроение генерала заметно изменилось, но вел он себя по-прежнему сдержанно и спокойно. Годами выработанная привычка не предаваться эмоциям, не изменяла ему и на этот раз. Заметив грустное лицо Джейсона, погрузив-

шегося в глубокие размышления, он посмотрел на него своим отеческим взглядом, и похлопал легонько по плечу.

– Знаю, сынок, о чем ты задумался, – произнес он, вполголоса, – можешь завтра же вылететь к своей семье на Корсику. Надеюсь, трех дней тебе хватит?

– Спасибо тебе, Грэг, именно об этом я сейчас и думал, – произнес Джейсон, глядя с благодарностью на своего мудрого наставника и близкого друга, – откровенно говоря, мне и одного дня хватило бы. Уж очень скучаю по ним.

– Да ладно, сынок, брось, – сказал генерал, подмигнув ему веселыми глазами, – погуляй пока есть время, возможно его скоро вообще не будет. А теперь, я отпущу своего водителя, а ты отвезешь меня домой, надо обсудить еще кое – что, если не возражаешь?

За содержательной беседой о различных факторах, имеющих прямое отношение к их проекту, время пролетело быстро, и машина полковника остановилась ровно через час напротив дома генерала Адамса. Джейсон пожал своему шефу руку, вновь искренне поблагодарил его за дружескую поддержку, и буквально запрыгнув снова в машину, стремительно умчался к себе. Едва въехав к себе во двор, он поставил машину в гараж, обошел медленным шагом весь участок, и лишь удостоверившись, что здесь не ступала нога постороннего человека, преступил порог родного жилища. В доме, в котором в силу сложившихся обстоятельств его не было уже двое суток, сохранял в себе атмосферу домашнего тепла, уюта и особенной энергетики, вернувшего его вновь в прежнее равновесие чувств и мыслей. Теперь полковнику хотелось только одного – как можно скорее обнять свою любимую молодую супругу и дорогих сердцу детей. Вскоре, он переделся в домашний халат, заварил себе крепкий чай, и уселся на свое обычное место у окна на кухне. Мысленно он был уже со своим семейством в Аяччо, нежась под жаркими лучами южного солнца, как вдруг неожиданно и пронзительно зазвенел его телефон.

– Господи, только не это, – взмолился он, затаив на минуту дыхание, – неужели у шефа изменились планы, и собирается вызвать меня к себе? Неужели все отменяется?

К счастью, на связи оказался Рикки, который с радостью поведал своему любимому отцу, что у него все продвигается хорошо, здоровье отменное, и командировка на далеких Фольклендах проходит успешно. Он также сообщил, что только что переговорил с Изабель, со своими сестрами и братом Антуаном, и кроме того, услышал по телефону забавный лепет младшего Винсента. Его голос был твердым, уверенным и в то же время ласковым и нежным. Их разговор был короткий, и продлился не более двух минут, но вызвал у Джейсона непередаваемую радость и восторг, укрепив в нем чувство гордости за своего старшего сына. Еще год назад он и предположить не мог, что худенький, нескладный и робкий Рикки, с высыпавшими на лице мелкими прыщиками, так сильно изменится. Он и не подозревал, что виной столь кардинальным переменам в жизни парня стала на тот момент Кэтрин. После командировки в Афганистан, где Джейсон получил ранение в плечо, она провела с сыном сложную и продолжительную беседу. Ей удалось зацепить Рикки за душу, и вывести на свет его дремлющий потенциал настоящего мужчины. Она убедила сына в том, что тот должен быть, и обязательно будет таким же, как и его отец – мужественным, гордым, волевым и бесконечно преданным своей родине и своему народу человеком. Та нелегкая беседа с матерью внесла свои коррективы в судьбу юноши. Как оказалось, он провел всю ночь в непростых размышлениях, а наутро, уединившись у себя в комнате, написал письмо, и тут же отправил его в военную академию. После непродолжительного разговора с сыном, Джейсон встал, налил себе полный бокал виски,

и поднес его к фотографии Рикки в военной форме, которую Мэри с Роуз установили в рамке на самом видном месте в гостиной, рядом с портретом Кэтрин.

– За тебя, сынок! Так держать! Я по-настоящему горд и счастлив, что ты стал теперь настоящим мужчиной, осуществив не только мою мечту, но и наказ своей матери, – произнес он, громким голосом, и осушил залпом хрустальный сосуд.

Он тут же налил себе второй бокал, перевел взгляд на улыбающееся с фотографии лицо своей покойной супруги, поцеловал ее в лоб, и молча выпил снова до дна. Он все еще тосковал по ней, считал ее несправедливо отторгнутой частицей своей души и одновременно терзал себя ощущениями вины перед ней. Вспоминая годы своей счастливой совместной жизни с Кэтрин, он довольно улыбался, и продолжал мысленно благодарить ее за стойкость, терпение и безмерную любовь к своему супругу и детям.

Он просил у нее прощения за то, что не разглядел вовремя ее страшную болезнь, и не среагировал на ее подозрительное поведение из-за мучивших ее болей в желудке. Джейсон встал у окна, распахнул форточку, и закурил, глядя с грустью в ночную тьму. Спустя полчаса, с трудом избавившись от терзающих его тяжких воспоминаний, он поднялся к себе в кабинет, уселся в кресло, и позвонил своей любимой Изабель.

– Здравствуй, милая! Как ты там? – прошептал он, прижав телефон к уху, едва услышав ее громкий возглас в трубке, – надеюсь, я не отвлек тебя от домашних хлопот?

– Господи, любимый мой, как же я соскучилась по тебе! – произнесла Изабель, звонким голосом, – целый день гадала, позвонишь ты сегодня вечером или нет, и все время следила за стрелками часов, в ожидании твоего звонка. Получается, что я не зря ждала! Только не говори мне сейчас, пожалуйста, что ты снова куда – то собрался!

– Да, родная моя, я действительно собираюсь вылететь, – сказал Джейсон, интригующим тоном, – но не куда – нибудь, а в Аяччо, и завтра же, первым рейсом!

Голос Изабель буквально взорвался радостным восторгом, едва прозвучали последние слова ее любимого супруга. В следующее мгновение, на фоне пронзительного детского смеха Винсента, в трубке слышалось ее громкое возбужденное дыхание.

– Прошу тебя, милый, включи скайп, пожалуйста, – произнесла она, перейдя вдруг на шепот, – я так хочу увидеть тебя, и хотя бы через экран ноутбука коснуться твоих губ. Да и ребятишки сейчас сбегутся, жажда увидев своего любимого папу.

Однако Джейсон намеренно не стал включать скайп, не желая, чтобы она и дети увидели скорбное выражение его лица. Он посчитал, что нахлынувшие на него эмоции, могут негативно отразиться на их хрупких чувствах, и тактично ушел от продолжения разговора с Изабель, сославшись на то, что ему предстоит еще заняться документами.

Следующим утром, полковник выпил чашку крепкого кофе, выехал в половине девятого из дома, и купив по пути огромный букет алых роз, отправился на кладбище, где была похоронена его покойная супруга. Спустя уже час, он возложил цветы на ее могиле, аккуратно почистил всю площадку вокруг от пыли и опавших листьев, опустился медленно на травку, рядом с надгробной плитой, и предался мысленному общению с Кэтрин, вспоминая с особым теплом и трепетом времена их совместной семейной жизни. Часом позже, он также медленно поднялся

на ноги, отряхнулся, бережно погладил рукой ее вкрапленное в черный мрамор милое улыбающееся лицо, и зашагал к выходу.

Засидевшись у могилы Кэтрин, он опоздал на утренний рейс, которым планировал полететь на Корсику. Но тут же забронировал билет заново, предупредил Изабель о вынужденной задержке в Лондоне из-за непредвиденных обстоятельств, и имея в запасе более часа свободного времени, отправился в город за подарками для членов своей семьи.

В половине второго пополудни, он вылетел из Лондона рейсом французской авиакомпании, и без четверти шесть благополучно приземлился в столице Корсики. Курортный город встретил его ласковой, теплой погодой. Огромный оранжевый диск солнца, на треть прикрытый белоснежным облаком, свисал над отчетливой линией горизонта. На побережье у пирсов, где неподвижно теснились катера и яхты, празднично прогуливались многочисленные туристы в шортах и майках. Неугомонные и громко галдящие над головой чайки, продолжали суетливо кружить в воздухе, несмотря на наступивший вечер. Казалось, что эти птицы не собираются уступать человеку в приверженности к вечерним прогулкам и развлечениям, и следовали за ним повсюду.

Когда он вышел из здания аэропорта имени Наполеона Бонапарта, Джейсон вновь ощутил знакомый ему с давних пор невероятный аромат душистых, пьянящих своим благоуханием цветов, и волшебную атмосферу райского покоя и умиротворенности. Он остановился у стоянки такси, устремил мечтательный взгляд в безоблачную синеву, и сделал глубокий вдох, задержав дыхание, в предвкушении новой встречи с любимой. Едва он опустил снова голову, как увидел вдалеке бегущую к нему Изабель, которая, казалось, не касалась даже земли, словно подхваченная сверху невидимыми нитями. Джейсон опустил сумку на пол, расплылся в широкой улыбке, и бросился к ней навстречу. Изабель была в шикарном голубом костюме и красных босоножках без каблуков. Ее пшеничного цвета густые волосы, заплетенные в изящную косу, светились золотом. Яркие голубые глаза ее искрились от ощущения радости, и излучали невероятно красивый, ослепительный блеск. Она буквально на лету обвила руками его шею, прижавшись к нему всем своим роскошным телом, громко задышала, и с безумной страстью впиалась в него губами, оставив по всему лицу темно – бордовые следы от губной помады.

– Господи, как же я счастлива! – произнесла она, уткнувшись затем в его грудь, – не могу поверить, что это происходит со мной. У меня все горит внутри!

– Я тоже счастлив видеть тебя, бесценное ты мое сокровище, – вымолвил Джейсон, ласково погладив ее по спине, – даже не представляю, что со мной стало бы, если не встретил тебя в минуты сложных испытаний. Ты мой настоящий ангел во плоти!

Он с легкостью подхватил ее одной рукой, нежно прижав к своей груди, взялся другой за ручку увесистой, набитой подарками сумки, и направился к выходу. Наблюдавшая за этой страстно целующейся, милой и безумно влюбленной друг в друга парой красивых и счастливых людей, группа итальянских туристов восторженно кричала им вслед «Браво! Брависсимо!». Но Джейсон и Изабель уже никого не слышали, и не обращая никакого внимания на восторженные взгляды многочисленных прохожих, двигались дальше, тесно прижавшись друг к другу, и обмениваясь нежными поцелуями. Спустя десять минут, они въехали на свою улицу, и вынуждены были остановиться, не доезжая до ворот дома нескольких метров. У калитки их уже караулили Антуан, Мэри и Роуз, которые сразу же обступили с трех сторон машину, и стали тянуть на себя ручки дверей, словно соревнуясь между собой, кто быстрее коснется любимого папы. Не успел Джейсон выйти из салона, как они все втроем тут же повисли у него на плечах словно гроздь винограда, не давая ему даже вздохнуть. Растроганный глава семьи расцеловал их по очереди, взял всех разом в охапку, и подняв на руках, громко вскрикнул:

– Почему же меня не встречает Винсент? Где же затаился этот сорванец?

– А он только что поел, папочка, и уже сладко посапывает у Долорес на руках, – ответили детишки почти хором, и только сейчас, высвободив отца из своих тесных цепких объятий, бросились разом открывать ворота, чтобы машина смогла въехать во двор.

Перед тем, как отправиться в аэропорт, Изабель с Долорес успели приготовить отменный ужин, который состоял из запеченной индейки с апельсинами и любимой корсиканской запеканки Джейсона. Семейный вечер вновь был насыщенным, веселым и радостным для всех. Даже Винсент, который мог уже самостоятельно стоять в манеже, держался своими крохотными пальчиками за пластиковый ободок, и обнажив маленькие зубки, поглядывал с улыбкой на своего отца. Он уже свободно выговаривал слова «папа» и «мама», и при каждом упоминании своего имени, тут же реагировал на это громким визгом и начинал вертеть головой. Загоревшие от продолжительного пребывания на солнечном морском пляже, счастливые дети долго не отходили от папы, держа его все время за руки. Они увлеченно рассказывали ему о том, как помогают Изабель по дому, с каким удовольствием нянчат Винсента, и присматривают за своей классной яхтой. Девочки делились с ним восторженными впечатлениями от всего, что им довелось увидеть в Аяччо, с которым их ознакомил Антуан. Видя, с каким вниманием и интересом он их слушает, они вновь загорались яркими эмоциями, и продолжали свой рассказ.

Шел уже двенадцатый час ночи, когда торжественное веселье подошло к концу.

Утомленные за день всевозможными играми и беготней, дети быстро разбрелись по спальням, и вскоре уснули. Вежливо и деликатно откланялась и Долорес, пожелав супругам доброй ночи. Джейсон помог Изабель с уборкой, сам уложил в кроватку заснувшего в манеже Винсента, а затем взял супругу под руку, и повел на прогулку.

Чистое, усыпанное звездами безоблачное небо. Яркий, улыбающийся полумесяц. Тихий плеск накатывающих к берегу мелких волн. Легкий морской ветерок, и треск южных цикад придавали этому вечеру особую романтичность. Безумно и без остатка любящих друг друга сердца, бились в унисон. Две души, слившись в единую ауру, светились искренней и чистой любовью, и пели нежную божественную мелодию.

Более часа супруги неторопливо прохаживались по набережной, держа друг друга за руки. Затем вышли на пирс, остановились у самого края, вглядевшись в волшебное звездное небо, и постояв несколько минут в обнимку, повернули обратно, в сторону своего дома. Заметив, что его любимая слегка озябла от внезапного порыва ветра, Джейсон бережно обхватил ее со спины, взял на руки, и ласково прижал к себе.

– Осторожно, милый, не навреди нашему ребенку, – прошептала вдруг Изабель, тихим, мелодичным голосом, нежно поцеловав своего супруга в шею.

– Что, неужели, подтвердилось?! – вскрикнул Джейсон от неожиданности, – Господи, как это здорово, стать снова отцом! И кто у нас там ожидается?

– Не знаю пока, родной, рано еще об этом думать, – ответила Изабель, медленно опустившись на землю, – надеюсь, теперь у тебя будет еще одна дочь.

– Я согласен, милая, пусть родится девочка, – расплылся Джейсон в радостной улыбке, – и тогда у нас их с тобой будет поровну, по три мальчика и по три девочки.

Известие о беременности супруги, в которой он до последнего момента все же сомневался, вскружило ему голову, и послужило венцом романтического сказочного вечера. Он донес ее до самой постели, аккуратно уложил на кровать, и склонившись над ее головой, стал вновь целовать ее нежные, отдающие земляничным вкусом пухлые губы. Джейсон вел себя, словно впервые влюбившийся юноша, а его неловкие движения из желания угодить своей любимой, уже у нее вызывали звонкий и пронзительный смех.

– Ну, иди ко мне, милый мой, хватит уже мучиться, – произнесла она, наконец, заметив его возбужденную плоть, – я тоже этого хочу, разве не видишь, как я вся дрожу?

Она взяла его своими длинными нежными пальчиками за руки, медленно поднесла их к губам, обдав жарким дыханием, и прижала к обнаженной груди. Удержать Джейсона было уже невозможно. Он тут же скинул с себя одежду, и потянулся было уже к выключателю, чтобы погасить свет, но услышав просьбу Изабель, опустил руку вниз.

– Прошу тебя, милый, не выключай, пожалуйста, – попросила она, отбросив одеяло в сторону, – хочу, чтобы ты любил меня при ярком свете, и смотрел мне при этом прямо в глаза. Хочу их видеть, когда овладеваешь мной. Я также желаю чтобы и ты видел мои глаза, мою истосковавшуюся по твоим ласкам грудь, и мою гладкую и нежную кожу.

Пожелания любимой супруги в этот момент стали для Коллинза законом. Он лишь молча улыбнулся ей в ответ, сбросил с себя последнее, что на нем было, и медленно опустился на кровать. Он долго и нежно ласкал ее безупречно стройное, пышущее жаром молодое тело. Гладил ее по густым пышным волосам, упругой груди и изящным бедрам. Целовал ее пухлые алые губки, миниатюрный носик, и тонкую лебединую шею.

Этой ночью Джейсон любил свою Изабель с такой страстью, с такой неумной энергией, будто годами не касался до нее никаких женщин. При этом не переставал удивляться ее раскованности, отмечая, что познания его супруги в любовных утехх заметно обновились. Изабель была в эту ночь удивительно изобретательна, будто действительно начиталась Камасутры. Она постоянно меняла позы, извивалась как угорь, нежно водила руками по его наиболее чувствительным эрогенным зонам, и возбужденно вздыхала, усиливая сексуальный эффект и настрой своего любимого. А достигая всякий раз пика, громко вскрикивала, и хваталась зубами за край подушки. Спустя два часа, опьянев от невообразимого удовольствия и яркого удовлетворения, она раскинула руки в стороны, сдунула со лба прядь растрепанных волос, и тихо взмолилась:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.